

Часть вторая.

Матвѣй не видѣлъ ея слезъ и ни о чемъ не зналъ, потому что въ это самое время встрѣтилъ на дворѣ стольника пурскаго, который, несмотря на свою подагру, пріѣхалъ въ Любинъ узнать, какъ поживаетъ сынъ его стариннаго пріятеля, и что сдѣлалось съ него капиталомъ. Онъ тотчасъ спросилъ у Матвѣя:

— А что, мой старичина, что у васъ новаго?

— А, панъ стольникъ, хуже всего, что ничего. Не знаешь радоваться, или горевать, и все какъ-будто ждешь бури, а какой, самъ не вѣдаешь.

— Что вашъ паничъ?

— Паничъ! да мы его почти не видимъ. Богъ его знаетъ, что онъ дѣлаетъ; уходитъ со двора чуть-свѣтъ, возвращается ночью, и никто не разберетъ, чѣмъ онъ занимается. Меня часто подираетъ по кожѣ морозъ, какъ подумаю о немъ...

— Да вы бы его спросили.

— Да! будто онъ станетъ отвѣчать! Точь-въ-точь, какъ покойный отецъ: ходить да молчить, молчить да ходить. Добрый, почтенный паничъ, да вотъ два недостатка только: все молчить, да табаку не нюхаетъ. Это его и погубить.

— Что же вы о немъ думаете? Вѣрно, гуляетъ, молодецъ?

— Пускай бы онъ гулялъ; молодому пиву надо поиграть — такъ нѣтъ же: онъ всегда трезвъ и только что-то потихоньку дѣлаетъ и прячется съ дѣломъ...

— Это очень худо! сказалъ стольникъ. — Надо непременно развѣдать...

— Развѣдывали ужъ мы съ Доротой. Скажу даже вамъ, — прибавилъ Матвѣй потихоньку: — мы за нимъ подсматривали, но ничего не узнали. Войдетъ въ какой-то домъ утромъ и выйдетъ изъ него только вечеромъ.

— Ну, такъ надо было развѣдать, кто тамъ живетъ.

— А кто живетъ? Живетъ внизу старикъ-купецъ, да еще сапожникъ, а вверху какой-то шляхтичъ, да еще какія-то двѣ три семьи, а о немъ нѣтъ и слуху.

Стольникъ нахмурился, пожалъ плечами и замолчалъ.

— Я съ нимъ поговорю объ этомъ, сказалъ онъ: — онъ мнѣ признается. Не воръ же онъ и не мошенникъ, въ этомъ я увѣренъ.

Въ это время вошла съ заплаканными глазами Дорота, а Матвѣй пошелъ купить для лошадей сѣна. Старая служанка осмотрѣлась кругомъ и спросила гостя таинственнымъ голосомъ:

— Знаете ли вы, что сдѣлалось съ нашимъ паничомъ?

— Знаю, знаю, Матвѣй мнѣ рассказалъ.

— Нѣтъ, онъ ничего не знаетъ, — и она залилась слезами: — онъ ничего, говорю вамъ, не знаетъ!

— Боже мой! что же такое? Говори, ради Бога, говори скорѣе!

— Если-бъ покойникъ это увидѣлъ, онъ умеръ бы съ горя.

— Что же такое? — завопилъ внѣ себя отъ испуга стольникъ. — Ради Бога, говори!

Дорота приблизила свои губы къ уху пана стольника и шепнула:

— Онъ сдѣлался купцомъ!

Если-бъ громъ грянулъ надъ головой стольника, и тогда бы онъ такъ не поблѣднѣлъ и не встревожился. Слова замерли у него на устахъ. Онъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ и стоялъ какъ вкопанный съ потупленными въ землю глазами.

— Какъ? что? — произнесъ онъ наконецъ прерывающимся голосомъ. — Не можетъ быть, говорю я тебѣ, быть не можетъ! Онъ? Сѣкиринскій? потомокъ гетмановъ и баштелиновъ?

— Тихе, панъ стольникъ, тихе; еще кто-нибудь услышитъ насъ. Да, да, онъ сдѣлался купцомъ!

— Скорѣй ожидалъ я, что онъ бросится съ моста въ воду!—воскликнулъ стольникъ.—Но скажи, какъ же это случилось?

— Не знаю какъ; то только вѣрно, что возлѣ ратуши есть лавка, съ надписью: *Фальковича*, да тамъ никакого Фальковича нѣтъ—это его лавка.

— Какого жъ дьявола онъ продаетъ въ ней?

— Какъ какого? Бумагу, изюмъ, инбирь, сахаръ, сказано—купецъ!

— Не-уже-ли? и все это среди бѣлаго дня, безъ всякаго стыда?

— О, нѣтъ! вы увидите, что онъ сдѣлалъ изъ себя. Нарядился какъ на масленицѣ! Волосы сѣдые, лицо желтое, горбатый, дряхлый.

— Что ты за чепуху городишь мнѣ!—вскричалъ стольникъ, стукнувъ палкой объ полъ.—Это вздоръ! этого быть не можетъ, я говорю тебѣ!

— Охъ, Боже мой!—говорила Дорота:—я его вскормила, и мнѣ не узнать его голоса!

— Тыфу!—прервалъ ее старикъ:—съ ума ты спятила, что ли? Вздоръ, нелѣпость, говорю тебѣ еще разъ! Переодѣтый, замаскированный! Что жъ онъ рехнулся развѣ?

— Такъ посмотрите же на него сами, я васъ проведу въ лавку,—сказала Дорота, обиженная его недовѣрчивостью.

Несмотря на свою усталость, старикъ попросилъ только почистить дорожное платье, пригладилъ сѣдые волосы и отправился вмѣстѣ съ Доротою къ ратушѣ, оставя въ домѣ сторожемъ своего кучера.

Дорота немножко пріотстала позади, а панъ стольникъ взошелъ по двумъ каменнымъ ступенькамъ въ лавку, надъ которою висѣла доска съ надписью: *Бакалейные товары Яна Фальковича изъ Львова*. Лавка была полна народа, какъ всегда. Старый, сѣдой и смуглый лицомъ купецъ, согбенный лѣтами, не успѣвалъ исполнять требованій покупателей. На немъ была описанная стольнику Доротою широкополая шляпа, а ротъ былъ повязанъ цвѣтнымъ платкомъ. Стольникъ, взглянувъ на забавную фигуру старичка, внутренно разсмѣялся надъ проницательностью Дороты; однакожъ остановясь позади покупателей, продолжалъ наблюдать его. По ловкости, съ какою купецъ за-

вертывалъ свои товары и разсчитывался съ покупщиками, видно было, что онъ всю жизнь ничего другого и не дѣлалъ. При томъ же, его сторбленный станъ, его сѣдина, его смуглый цвѣтъ лица — все это совершенно уничтожало проницательность Дороты. Стольникъ уже не сомнѣвался въ ея ошибкѣ и, чтобъ еще больше убѣдить себя въ неподдѣльности поворотливаго и дѣятельнаго старичка-купца, подошелъ къ его прилавку и спросилъ фунтъ изюма. Купецъ, безъ всякаго замѣшательства, отвѣсилъ ему изюмъ, завернулъ товаръ съ неподрожаемою ловкостью въ бумагу, взялъ отъ столъника талеръ, далъ сдачи и продолжалъ исполнять другія требованія. Корниковскій спросилъ даже его о чемъ-то, но въ его голосѣ не замѣтилъ нечего знакомаго. Обрадованный, онъ уступилъ свое мѣсто ново-пришедшимъ покупщикамъ и хотѣлъ уйти изъ лавки, но на порогѣ встрѣтилъ знакомаго и остановился. Начался разговоръ о томъ, о семъ. Вдругъ до его слуха долетаютъ знакомые звуки. Фальковичъ, потерявъ его изъ виду, не старался болѣе говорить глухимъ, силнымъ голосомъ и произнесъ нѣсколько словъ ясно и чисто, немножко заикаясь. Вслушивается Корниковскій и думаетъ—это голосъ Собѣслава, никакого нѣтъ сомнѣнія! Подходить, вглядывается въ его отбѣненное сверху шляпою и полузакрытое снизу повязкою лицо, и видитъ замѣтное сходство. Этого мало. Пытливый взглядъ его на этотъ разъ произвелъ на купца замѣтное впечатлѣнiе; смурокъ, который купецъ держалъ, готовясь завязать покупку, задрожалъ въ его рукѣ, и онъ быстро отвернулся въ сторону. Купецъ зналъ, что голосъ измѣнилъ ему, и не могъ ужъ притворяться равнодушнымъ, попрежнему.

Лицо Корниковаго помрачилось; онъ сжалъ губы и ушелъ изъ лавки, позабывъ даже проститься съ своимъ знакомымъ, который въ это время спрашивалъ себѣ какого-то снадобья. Онъ дотога былъ пораженъ своимъ открытiемъ, что сперва повторялъ одни слова: «купецъ! купецъ!» и шелъ по улицѣ, какъ опьянѣлый. Потомъ онъ остановился, чтобъ собраться съ мыслями совершенно растроеными.

— Чтобъ его чортъ взялъ! — сказалъ наконецъ столъникъ. — Фи! фи! Не скажу и самому ему, что я узналъ его! Надо эту тайну утопить навѣки, чтобъ свѣтъ не зналъ, не видѣлъ,

не подозрѣвалъ такого поступка! А! а! Съкиринскіе! вотъ тебѣ и Съкиринскіе! Что, если-бъ узнали объ этомъ ихъ враги!

И столярникъ схватился обѣими руками за голову.

— Никто, никто не долженъ знать объ этомъ, ни даже я самъ! Фальковичъ! сумашествіе! Какой-то безумецъ присовѣтовалъ ему, а онъ, другой безумецъ, послушался! Теперь понимаю, на что ему нужны были деньги. Если-бъ онъ ими подавился, это меня не столько бы удивило. Но сдѣлаться купцомъ—Съкиринскому! Не лучше ли бѣдность, нищенство? не лучше ли пойти по міру? Все лучше этого!

Долго бы еще разсуждалъ онъ такъ, идучи по улицѣ, если-бъ Дорота, догнавъ его, не схватила за руку.

— А что! — спросила она: — не правда ли? а что!

— Перекрестись, моя умница! — отвѣчалъ съ живостью Корниковскій. — Что это забрело тебѣ въ голову? Голосъ похожъ? Что жъ въ этомъ? Это старикъ, котораго давно все знаютъ; я спрашивалъ у нѣсколькихъ человѣкъ. Ничего похожего! Ну, сохрани Богъ, если ты съ дуру болтнула это кому-нибудь другому! Вѣдь ты погубила бы малаго!

— Да какъ же я могла ошибиться?

— Да такъ же, какъ я говорю тебѣ. Воображеніе, заблужденіе! Выбрось это изъ головы. Напугала только меня попусту. Я самъ говорилъ съ нимъ. У него ротъ повязанъ потому, что цирюльникъ повредилъ ему челюсть, вырывая ему зубъ, — вотъ и все. Тутъ лѣтъ пятнадцать ужъ знаютъ Фальковича.

Сбитая съ толку, Дорота замолчала и пошла за столярникомъ молча. Она упрекала себя въ опрометчивости, съ которою встревожила старика, и вмѣстѣ радовалась, что ея догадка не оправдалась.

Панъ Корниковскій, съ своей стороны, былъ сильно озадаченъ этимъ необыкновеннымъ случаемъ. Онъ припоминалъ характеръ Собѣслава и не могъ постигнуть, что съ нимъ сдѣлалось. Онъ былъ далекъ отъ мысли, что это обогатитъ молодого человѣка, и, гнушаясь торговыми занятіями, которыя, по его мнѣнію, вкореняли въ человѣкѣ жадность къ деньгамъ и скупость, а по мнѣнію общему, были унижительны, никакъ не могъ распутать узла. Что же дѣлать? Уговорить, чтобъ Съ-

киринскій бросилъ свою затѣю? Нѣтъ и надежды. Собѣславъ никогда не нуждался въ его совѣтѣ, и ужъ если затѣялъ такое необыкновенное дѣло безъ его вѣдома, то навѣрное, пропустить мимо ушей его увѣщанія, какъ бы они не были основательны. „Послушаться умнаго человѣка“, — думалъ Корниковскій, — можетъ только тотъ, у кого есть свой умъ; но съ сумасшедшимъ что толковать? Лучше отстраниться — пускай дѣлаетъ, что хочетъ». Панъ стольникъ въ этомъ несчастіи — перемѣну жизни Собѣслава онъ почиталъ истиннымъ для себя несчастіемъ — рѣшился показывать видъ, что ничего не знаетъ, молчать и молиться Богу, чтобъ Онъ обратилъ молодого человѣка на истинный путь.

Рѣшась дѣйствовать такимъ образомъ, старикъ дождался возвращенія домой Собѣслава, и когда тотъ, на вопросъ его: гдѣ онъ проводить свое время, отвѣчалъ: «у іезуитовъ», онъ сдѣлалъ видъ, будто повѣрилъ, хотя невольнo покачалъ съ упрекомъ головой. Поговора о предметахъ постороннихъ и поужинавъ, они разошлись спать, а на другой день, прежде, нежели Собѣславъ собрался идти къ своему дѣлу, повозка пана стольника стояла у крыльца; старикъ простился съ нимъ безъ дальнѣйшихъ объясненій и уѣхалъ изъ Люблина.

По возвращеніи домой, домашніе, сосѣди и приходскій священникъ замѣтили въ Корниковскомъ большую перемѣну. Онъ какъ-будто мучился какою-то ужасною тайною; сдѣлался молчаливѣе прежняго, часто вздыхалъ, жаловался на жизнь и на людей, иногда самъ съ собой потихоньку разговаривалъ и пожималъ плечами.

Десять лѣтъ въ повѣсти протекаютъ очень быстро; но въ жизни дѣйствительной какое множество въ продолженіе такого періода наберется страданій, памятныхъ минутъ, тяжкихъ и долгихъ дней и часовъ сколько невознаградимыхъ потерь, сколько перемѣнъ въ самомъ себѣ, въ людяхъ и во всемъ насъ окружающемъ!

Десять лѣтъ! какая перемѣна въ домахъ и на кладбищахъ! Сколько здѣсь прибавляется колыбелей, а тамъ свѣжихъ или поросшихъ травою могилъ! И изъ нашихъ знакомыхъ, по про-

шестви десяти лѣтъ, мы найдемъ нѣсколько не на прежнихъ мѣстахъ. Старый Матвѣй давно спитъ съ табачнымъ рожкомъ своимъ на капуцынскомъ кладбищѣ. Дорота сидитъ на печи, едва имѣя силы сходить изрѣдка въ ближайшую лавку за покупкою; часто бываетъ ей нужна теперь палка въ помощь отяжелѣвшимъ ногамъ, и она жалуется, что не можетъ трудиться попрежнему. Приходскій священникъ, давнишній пріятель Сѣкиринскихъ, опочилъ мирнымъ сномъ въ углу кладбища, подъ деревьями, гдѣ заблаговременно назначилъ мѣсто для своей могилы. Старый Петръ Корниковскій, стольникъ пурскій, былъ еще живъ и попрежнему употреблялъ латинскія поговорки, но часто ихъ перепутывалъ въ памяти и говорилъ одну вмѣсто другой. Онъ почти уже не вставалъ съ своего кресла и только въ хорошую погоду выходилъ на крыльцо, опираясь на руку слуги. Изрѣдка ѣздилъ онъ въ костель или къ сосѣдямъ, но былъ угрюмъ, жаждалъ развлеченія и успокоенія отъ скуки, но не находилъ нигдѣ.

Въ Сѣкиринкѣ шумно и разгульно живутъ молодые Вихулы, потому что и братъ и жена покойнаго Вихулы умерли. Крестьяне, несмотря на нѣсколько десятковъ лѣтъ, протекшихъ со времени удаленія Сѣкиринскихъ, вспоминаютъ старыхъ господъ; принадлежавшая имъ часть деревни называется Сѣкиринщиною, а другая Вихуловщиною. Старики показываютъ мѣсто, гдѣ стоялъ домъ, описываютъ его устройство, рассказываютъ объ обычаяхъ своихъ бывшихъ господъ, о ихъ родѣ и происхожденіи и, какъ всегда бываетъ, когда не станетъ барина на свѣтѣ, повторяютъ со вздохомъ: «такъ ли было при жизни нашихъ старыхъ господъ?»

А между тѣмъ, подлѣ ратуши лѣтъ десять уже продаетъ Фальковичъ перецъ, свѣчи, инбирь и разныя лакомства, и люди дивятся немало, что сторбленный, хилый старичекъ трудится безъ устали съ утра до вечера не старѣясь и не нуждаясь ни въ чьей помощи. Купцы и мѣщане смотрятъ на него завистливыми глазами—такое множество у него всегда покупщиковъ, такъ быстро у него расходятся товары. Но истиннымъ талисманомъ Фальковича былъ его трудъ, постоянство и честность. Никто не замѣтилъ у него возвышенія цѣны или испорченныхъ матеріаловъ; онъ скорѣе выбросилъ бы плохой

товаръ на улицу, нежели перемѣнять его, какъ водится у другихъ, съ лучшимъ, или даже захотѣлъ сбыть его по низшей цѣнѣ. Вотъ почему всѣ тѣснятся въ лавку подлѣ ратуши; вотъ почему старый купецъ съ каждымъ годомъ расширяетъ свою лавку и увеличиваетъ торговлю, не переставая быть такимъ же, какъ и прежде, тихимъ, сговорчивымъ и даже попрежнему носить широкополую шляпу и повязку на больной челюсти.

Но въ одно утро горожане увидѣли дверь его лавки запертою, и черезъ нѣсколько дней появилась надъ нею новая вывѣска; показались въ лавкѣ новые товары и новый купецъ, а Фальковичъ исчезъ, какъ будто канулъ въ воду. Многіе осведомлялись у молодого, новаго купца о Фальковичѣ (потому что, несмотря на его молчаливость и мрачный видъ, были люди, привыкшіе и даже привязавшіеся къ нему душой), но съ удивленіемъ и горемъ узнали, что старикъ оставилъ торговлю, уѣхалъ въ деревню, заболѣлъ тамъ и умеръ.

Но еще больше удивлялась Дорота, когда, послѣ удивительной десятилѣтней ея жизни, въ теченіе которой только по воскресеньямъ и праздникамъ Собѣславъ оставался дома, теперь видѣла она, что въ будничній день онъ не спѣшитъ, по своему обычаю, уходить со двора и съ особеннымъ стараніемъ занимается своимъ туалетомъ. Хорошая служанка, сбитаая съ толку въ своихъ поискахъ паномъ Корниковскимъ, съ тѣхъ поръ, а особливо со смерти Матвѣя, почти не выходила изъ дому и перестала доискиваться, чтобы такое могъ дѣлать внѣ своего домика молодой Сѣкиринскій. Она привыкла къ его образу жизни; она была увѣрена, что, вѣрно, онъ занимается бумагами у какого-нибудь дѣловаго человѣка, и не смѣла даже спрашивать его объ этомъ. Собѣславъ между тѣмъ выросъ, возмужалъ, но ни мало не перемѣнился. Десять лѣтъ таинственныхъ трудовъ сдѣлали его мужчиною, но характеръ его остался прежнимъ. Молчаливый, скрытный, задумчивый, онъ жилъ такъ регулярно, такъ уединенно, такъ однообразно, что въ его понятіяхъ о людяхъ и своихъ къ нимъ отношеніяхъ не произошло никакой перемѣны. Какъ же должна была обрадоваться Дорота, когда увидѣла его веселѣе обыкновеннаго, въ праздничномъ нарядѣ, и когда онъ самъ обратился къ ней

съ разговоромъ! Онъ объявилъ ей, что ему наскучило сидѣть въ городѣ, что онъ намѣренъ ѣхать въ деревню къ Корниковскому и велѣлъ ей приготовить все къ отъѣзду.

Между тѣмъ, когда она, не помня себя отъ радости, побѣжала—если только можно такъ выразиться о ея поспѣшности—сообщить эту новость своей помощницѣ, наемной служанкѣ, Собѣславъ отпратилъ въ Гродскую улицу. Тамъ вошелъ онъ во второй этажъ красиваго каменнаго дома и, какъ старый знакомый, пробрался прямо въ комнату хозяина, который былъ никто другой, какъ Михаилъ Бальцеръ, купецъ и мѣщанинъ люблинскій, тотъ самый старичокъ, котораго Собѣславъ встрѣчалъ во время оно въ своихъ прогулкахъ за городомъ.

Старичокъ былъ уже сѣдъ, какъ лунь. Онъ сидѣлъ въ комфортабельномъ креслѣ у окна и смотрѣлъ на движеніе по улицѣ, въ которомъ уже не могъ участвовать. Нѣсколько далѣе, за столомъ, среднихъ лѣтъ женщина, его жена, занималась какимъ-то рукодѣльемъ, надѣвъ очки на носъ, и въ то же время весело толковала съ румянымъ, быстроглазымъ и веселымъ мальчикомъ, который вертѣлся и лепеталъ у ея ногъ. Подлѣ нея сидѣла, также съ работою въ рукахъ, невѣстка ихъ, рассказывая что-то со смѣхомъ и слѣдя глазами за всѣми движеніями ребенка, а въ другой комнатѣ, сквозь полуотворенную дверь, молодая, прелестная, съ русой головкою дѣвушка, казалось, съ любопытствомъ ожидала прихода Собѣслава.

Комната была убрана скорѣе богато, нежели изысканно. Это не была модная гостиная, въ которой, кромѣ пріема гостей, поклоновъ и легкой болтовни, ничего не бываетъ; тутъ, вмѣстѣ съ богатствомъ, видны были слѣды механическихъ трудовъ и умственныхъ занятій. Въ одномъ мѣстѣ лежала штука скроенной матеріи, въ другомъ стоялъ станокъ для выдѣлки шелковой бахрамы и снурковъ, а въ рѣзномъ изъ краснаго дерева шкафикѣ видно было сквозь стекло нѣсколько отборныхъ книгъ.

Едва только Собѣславъ показался въ двери, всѣ привѣтствовали его улыбкою, словомъ, поклономъ. Купецъ поднялся съ кресла; жена его указала ему самое удобное мѣсто; невѣстка значительно усмѣхнулась, но взглядъ, брошенный на него сквозь дверь молоденькою бѣлокурою дѣвушкою, былъ всего выразительнѣе.

— Я пришелъ съ вами проститься,—сказалъ Собѣславъ.

— Какъ это? развѣ на короткое время?—спросилъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ купецъ.

— Надолго ли, нѣтъ ли, право я самъ не знаю; только дѣла мои заставляютъ меня предпринять довольно далекое путешествіе.

— Куда же это? Откуда это вдругъ явились новыя дѣла и предпріятія?

— Надо съѣздить къ своимъ,—отвѣчалъ, опустивъ внизъ глаза, Собѣславъ.

Тутъ вошла въ комнату молоденькая дочь купца, Людвися, которой прелестное личико мы уже замѣтили сквозь дверь. Взглянувъ на Собѣслава, она покраснѣла, смѣшалась—онъ также нѣсколько смѣшался—схватила работу и быстро сѣла подлѣ матери. Та шепнула ей что-то на ухо. Людвися, бросивъ работу, ушла изъ комнаты и спустя минуту, румяная какъ яблочко, возвратилась съ тарелкою яблокъ, бутылкою вина и двумя кубками на прекрасномъ серебряномъ подносѣ.

Между тѣмъ, старый купецъ продолжалъ разговаривать съ Собѣславомъ. Въ разговоръ вмѣшивались его жена и невестка, а Людвися только взглядомъ и румянцемъ обнаруживала свое въ немъ участіе. Взоръ ея отъ работы часто переходилъ на Собѣслава и потомъ, смущенный, падалъ на матерію, которую она держала въ рукахъ. Сѣкиринскій также раза два взглянулъ на нее, но какъ будто съ грустью и сожалѣніемъ, и, не сказавъ ей ни слова, взялъ фуражку, чтобъ уйти. Людвися ускользнула изъ комнаты, мимо матери и сестры, такъ тихо, такъ быстро, что никто этого не замѣтилъ, и когда Собѣславъ, раскланявшись со старшими, хотѣлъ поклониться и ей, то увидѣлъ только пустое мѣсто и брошенное на него измятое платье, которое она шила.

Старикъ проводилъ гостя до передней и, повидимому, о чемъ-то крѣпко думалъ, боролся съ какимъ-то чувствомъ, желалъ что-то сказать и не рѣшался. Они были уже у двери, когда Собѣславъ растроганнымъ голосомъ сказалъ ему:

— Дайте же мнѣ еще разъ поблагодарить васъ за доброе наставленіе.

— За какое?—спросил купецъ, стараясь весело усмѣхнуться, хотя очевидно былъ грустенъ.

— Я разумѣю нашъ разговоръ во время прогулки за городомъ и разсказъ о вашей жизни. Часто одно сказанное во время слово измѣняетъ судьбу человѣка. Исторія вашей жизни заставила меня долго думать и навела на такія мысли, которыя безъ васъ никогда не пришли бы мнѣ въ голову. Примѣръ вашъ ободрилъ меня, я принялся трудиться и вы знаете, щадилъ ли я свои силы. Теперь будущность моя обезпечена и я обязанъ этимъ вамъ. Трудъ мой, правда, былъ... но объ этомъ ни слова; довольно и того, что я заработалъ себѣ кусокъ хлѣба. Примите же отъ меня самую искреннюю благодарность за совѣтъ и за помощь!

Старикъ слушалъ его со слезами на глазахъ.

— Я очень счастливъ,—сказалъ онъ,—но знаете ли что? Послушайте меня еще разъ. Не гоняйтесь за далекимъ счастьемъ, а поищите его возлѣ себя. Вотъ, видите ли, я вамъ скажу откровенно. Мы съ вами знакомы лѣтъ десять. Людвися моя выросла на глазахъ у васъ. Я дамъ ей какихъ-нибудь тысячъ семь дукатовъ приданого, не говоря о разныхъ домашнихъ вещахъ и нарядахъ. Если ваше сердце лежитъ къ ней, то и пускай благословить васъ Богъ.

Голосъ его задрожалъ сильнѣе прежняго. Онъ боязливо смотрѣлъ на Собѣслава. Собѣславъ опустилъ голову и глубоко вздохнулъ. Онъ былъ, повидимому, сильно взволнованъ; прижавъ къ груди свою фуражку и поднявъ голову, онъ сказалъ съ чувствомъ:

— Если-бъ я былъ самъ себѣ панъ, вы сдѣлали бы меня счастливымъ. Но я завишу отъ родныхъ; я ѣду къ нимъ; и если возвращусь, то не иначе, какъ для того, чтобъ принять ваше предложеніе съ благодарностью.

— Понимаю, понимаю,—отвѣчалъ купецъ,—поѣзжайте съ Богомъ, совѣтуйтесь, почитайте волю старшихъ, но возвращайтесь къ намъ. Ей-Богу, не найдете нигдѣ лучшаго сердца и преданнѣйшихъ вамъ людей.

Сказавши это, старикъ отвернулся, потому что глаза его были полны слезъ; а Собѣславъ быстро сбѣжалъ внизъ по лѣстницѣ, какъ будто хотѣлъ уйти самъ отъ себя. Вдругъ пе-

редъ нимъ мелькнуло бѣлое платье. Людвися шла снизу вверхъ. Онъ посторонился, приподнялъ фуражку. Глаза его встрѣтились. Она горѣла стыдливымъ румянцемъ, онъ былъ блѣднѣе обыкновеннаго. Она остановилась передъ нимъ съ грустною улыбкою, хотѣла что-то сказать, и не могла.

— Вы уѣзжаете отъ насъ? — спросила наконецъ она почти шопотомъ.

— Уѣзжаю и кланяюсь вамъ; дай Богъ снова увидѣться.

— Но скоро ли? — спросила она, — скоро ли? и не забудете ли вы насъ?

— Никогда! — сказалъ рѣшительно Собѣславъ.

— И возвратитесь къ намъ?

Сѣкиринскій взглянулъ вверхъ, какъ будто въ недоумѣніи, можно ли на это надѣяться. Въ это время кто-то зашелестѣлъ на лѣстницѣ, и Людвися полетѣла по ступенямъ, какъ ласточка, оставя его на минуту остолбенѣвшимъ, смѣшаннымъ и дрожащимъ отъ внутренней борьбы съ самимъ собою.

Но это состояніе продолжалось не долго; онъ вдругъ какъ будто что-то вспомнилъ, бросился въ дверь на улицу и, не оглядываясь, побѣжалъ къ своему домику.

На другой день длинная жидовская кибитка вывезла Собѣслава изъ Люблина. Въ домикѣ осталась только Дорота съ своею помощницею и старый литвинъ, нанятый сторожемъ. Найдя оставшіяся послѣ Матвѣя орудія для табачнаго производства, онъ занялся его любимымъ ремесломъ, въ свободное отъ другихъ трудовъ время. Но табакъ его выдѣлки не былъ ужъ тотъ славный, систематически и даже педантически приготовляемый матвѣичъ, по которомъ многіе мѣщанскіе носы въ Люблинѣ долго носили трауръ.

Въ одинъ прекрасный осенній вечеръ панъ стольникъ пурскій велѣлъ проводить себя на крыльцо, какъ вдругъ загремѣли колеса, отворились ворота и огромная жидовская кибитка подъѣхала къ крыльцу съ торжественнымъ помахиваніемъ кнута. Стольникъ не могъ постигнуть, кто бы такой могъ къ нему пожаловать, какъ видно, издалека; онъ еще не успѣлъ разглядѣть хорошенько пріѣзжаго, какъ уже Собѣславъ стоялъ передъ нимъ, съ видомъ какой-то боязни, ожидая привѣтствія. Старикъ пристально всматривался въ лицо гостя, какъ будто

что-то припоминая, хотѣлъ сдѣлать привѣтствіе, но все еще колебался.

— Неужто вы меня не узнаете?

— Простите старымъ глазамъ, но...

— И по голосу?

— Нѣтъ, certa similitudo помнится мнѣ.

— Панъ стольникъ, вы не узнаете своего баловня?

— Какъ будто обданный кипяткомъ, Корниковскій, узнавъ его и въ то же время вспомня о его купечествѣ, отшатнулся назадъ, сдѣлавъ гримасу, и пробормоталъ сквозь зубы:

— Панъ Сѣкиринскій.

— Стольникъ-добродѣй, развѣ такъ здороваются съ воспитанникомъ?

— Прошу садиться, — сказалъ Корниковскій.

— Нѣтъ, я не сяду, — отвѣчалъ гордо Собѣславъ, — пока вы не объясните мнѣ причины такого холодного приѣма.

Кто зналъ прямой, живой и вспыльчивый характеръ Корниковскаго, тотъ пойметъ, съ какимъ нетерпѣніемъ онъ вскричалъ въ эту минуту:

— Э! моспане! объясняй ты самъ, а не заставляй меня осквернять, чортъ знаетъ чѣмъ, языкъ! Кто вѣшалъ и мѣрялъ, того я не признаю за Сѣкиринскаго, а до Фальковича мнѣ нѣтъ никакого дѣла.

— Кто мнѣ это докажетъ? — сказалъ, покраснѣвъ, Собѣславъ. — Панъ стольникъ, это клевета моихъ враговъ! Ни одинъ Сѣкиринскій еще не унижался, а я послѣдній изъ ихъ рода.

— Толкуй себѣ, кохангу! — отвѣчалъ старикъ. — Трудно не вѣрить собственнымъ глазамъ.

— Но кто же мнѣ это докажетъ? — спросилъ еще съ большею живостью Собѣславъ.

Стольникъ посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Дай мнѣ руку и пойдемъ въ комнату, — сказалъ онъ, — тамъ разберемъ дѣло.

— Ну, говори, коли хочешь, — сказалъ онъ, сѣвъ на своемъ привычномъ мѣстѣ у столика — мнѣ не хотѣлось, чтобъ насъ слушали люди; да лучше признайся по правдѣ, чѣмъ туманить меня.

— Въ чемъ признаться?

— Въ чемъ? а, чортъ возьми! да въ торгашествѣ, въ барышничествѣ!

— Это басни.

— Ну, мое ужъ почтеніе, когда ты мнѣ не вѣришь!—сказалъ стольникъ, ударя очками по столу.

— Но положимъ, что дѣло было такъ, какъ вы предполагаете, панъ стольникъ: кто мнѣ это докажетъ?—спрашивалъ упрямо Собѣславъ.

— Кто? да цѣлый городъ, пожалуй!

— Однакожъ, кто объ этомъ знаетъ? Кто говорилъ объ этомъ въ городѣ? Скажите.

— Эка штука! да я тамъ давно уже не былъ.

— Поѣзжайте же, пошлите, заберите справки!

— Да зачѣмъ же ты сюда пожаловалъ?—сказалъ стольникъ.—Развѣ для того, чтобъ враги твоихъ родителей вырыли на тебя изъ подъ земли клевету?

— Пускай враги ищутъ чего хотять,—сказалъ Собѣславъ,—что мнѣ до нихъ! Я сюда пріѣхалъ потому, что кой-какъ выигралъ-таки тяжбу съ Лендскими!

— Какъ? *renovatum*? Дѣло вѣдь было кончено?

— Не совсѣмъ.

— Лендскіе заплатили 3,000 злотыхъ и мы съ ними по-квитались.

— Не имѣя на то права.

— Что ты говоришь?

— Я былъ малолѣтній.

— Не правда!

— Да, былъ, недоставало мѣсяца до совершеннолѣтія.

— *Stupendum*! Ну, ври, говори, что тамъ у тебя еще въ запасѣ.

— Панъ стольникъ, такъ трактовать меня не годится.

Корниковскій пожалъ только плечами.

— Что же далѣе?

— Они принуждены были заплатить мнѣ 20,000 талеровъ, и теперь мы поспоримъ съ Вихулами о Сѣкиринкѣ, и, будь я не Сѣкиринскій, если на задамъ имъ перцу!

— Ужъ пожалуйста про перецъ-то не вспоминай, — сказалъ Корниковскій.

Сѣкиринскій покраснѣлъ по уши.

— Ну, ну!—сказалъ старикъ,—славный проектъ! славный проектъ! Итакъ, ты пріѣхалъ сюда съ намѣреніемъ...

— Завязать тяжбу съ Вихулами, такъ какъ они не имѣютъ права на наслѣдство.

Стольникъ призадумался и долго молчалъ; наконецъ распростеръ руки, чтобъ обнять гостя.

— Собѣславъ, мой милый баловень!—сказалъ онъ,—ради Бога признайся, продавалъ ли ты перецъ?

Сѣкиринскій замялся.

— Что за странное предположеніе!—сказалъ онъ.

— Ну, скажи же, скажи ради самого Бога!

Сѣкиринскій пришелъ въ замѣшательство и какъ будто придумывалъ, какъ бы увернуться отъ назойливаго допросчика; но старикъ не отставалъ и безпрестанно повторялъ:

— Ну, ради Бога, скажи всю правду!

— Если вы не вѣрите моимъ словамъ,—отвѣчалъ наконецъ Собѣславъ,—то для меня было бы унижительно передъ вами божиться. Думайте, что хотите.

Стольникъ опустилъ распростертые руки, поникнулъ головою и вздохнулъ.

— Свершилось!—сказалъ онъ грустно,—свершилось! Недоставало только, чтобъ послѣдній *ex illustri prosapia Siekierzynsciogum* унизился *usque ad mercaturam* и самъ поправъ свое достоинство *nobilis poloni*! Увы! плакать надо и радоваться! Садись и скажи, что ты намѣренъ съ собою дѣлать?

Собѣславъ сѣлъ, отирая потихоньку потъ на лбу.

— Такъ ты хочешь добиваться Сѣкиринка?—спросилъ стольникъ.

— Не только хочу, но могу, долженъ и ворочу его,—сказалъ съ увѣренностью Собѣславъ.—Права мои на него не подвержены никакому сомнѣнію; бумаги все готовы.

— Посредствомъ кого же ты думаешь дѣйствовать? Не забывай, что нѣсколько десятковъ лѣтъ прошло, какъ вы отсюда выѣхали. Вихулы пріобрѣли себѣ связи и друзей, которыхъ вы никогда не имѣли. Никто не приметъ твоей стороны, развѣ какой-нибудь ободранный *causidicus* и *causiperda*.

— Нужды нѣтъ,—отвѣчалъ Собѣславъ.—Я самъ о себѣ буду стараться; я къ этому приготовился.

— Paratus! что? Гдѣ жъ это ты такъ насобачился? Неужто въ лавкѣ Фальковича? Но, молчи, ни слова объ этомъ! Вѣдь тутъ не разъ придется объяснять дѣло передъ собраніемъ *oie tenus* и *stante pede*. Сумѣешь ли ты это сдѣлать?

— Ко всему этому совершенно я приготовленъ и потребую отъ Вихулы явки документовъ и очной ставки.

— Помоги тебѣ Богъ!—сказалъ, поглаживая лысину стольника.—А потомъ что ты намѣренъ дѣлать?

— Потомъ, получа во владѣніе Сѣкиринокъ, буду хозяйничать, какъ всѣ, женюсь и...

Стольникъ постоянно покачивалъ головой съ недовѣрчивымъ видомъ. Онъ, казалось, думалъ о прошедшемъ и не вѣрилъ настоящему.

На другой день Собѣславъ, оставя свою шкатулку подъ кроватью пана стольника и пріодѣвшись хорошенько, отправился на старыхъ клячахъ Корниковского въ Сѣкиринокъ. Онъ совершенно не помнитъ родной своей деревни—такимъ молодымъ мальчикомъ изъ нея выѣхалъ.

Во главѣ рода Вихулъ стоялъ тогда панъ Ксаверій, прямой сынъ своего батюшки, буянъ и пьяница. Онъ еще не былъ женатъ и жилъ съ роднею въ отцовскомъ домикѣ, теперь расширенномъ и улучшенномъ.

Сосѣди боялись связываться съ нимъ; на сеймикахъ его крикъ слышенъ былъ громче всѣхъ; а когда онъ проходилъ по мѣстечку, низко спущенная его сабля брнчала зловѣщими звуками. У него была привычка покручивать безпрестанно усы и свистать вездѣ, а въ силу свою онъ вѣрилъ до такой степени, что готовъ былъ броситься одинъ съ саблею на цѣлую толпу вооруженныхъ слугъ какого-нибудь магната. Въ домѣ онъ властвовалъ деспотически: братья и сестры дрожа исполняли всѣ его приказанія; мужики по деревнѣ прятались, за видя его издали. Въ отношеніи къ жидамъ онъ былъ истинный бичъ. Одинъ только факторъ его, Шмуль Рыжій, привычный къ брани, арапнику и дерганью за бороду, имѣлъ къ нему доступъ и обдѣлывалъ разныя хозяйственныя дѣла его, потому что въ Польшѣ въ старину ни одинъ помѣщикъ не могъ сдѣлать шагу безъ жиды.

Къ такому-то забіякѣ, несмотря на предостереженія столыника, ѣхалъ смѣло, съ бумагами за пазухой, Съкиринскій, чтобъ начать съ нимъ дѣло объясненіемъ ему своихъ притязаній и, если будетъ можно, покончить тяжбу миролюбиво. Ксаверій Вихула объѣзжалъ на своемъ дворѣ дикаго коня въ то самое время, когда бричка въѣхала въ ворота и изъ нея выѣзъ совершенно незнакомый ему господинъ. Онъ бросилъ съ проклятіями свою клячу и поспѣшилъ навстрѣчу Съкиринскому, съ фуражкой набекрень, въ разстегнутомъ кителѣ, красный, засаленный и сердитый.

— Кого имѣю честь у себя видѣть?—спросилъ онъ.

— Собѣслава Съкиринскаго.

При этомъ имени Вихула закусилъ губу, нахмурился и указалъ дверь въ комнату.

Въ комнатѣ было не чисто и безпорядочно. Мужскія платья и женскія работы валялись по столамъ и стульямъ. Посреди комнаты спали двѣ огромныя собаки, и со сна бросились на входящихъ, но были прогнаны арапникомъ и продолжали ворчать за дверью. На одномъ гвоздѣ у двери висѣла скрипка, на другомъ мундштукъ, на третьемъ пасма суровыхъ нитокъ. Сквозь полуотворенную дверь видны были въ другой комнатѣ женскіе наряды, и какая-то полуодѣтая женщина отскочила въ сторону и съ любопытствомъ начала смотрѣть въ дверную щель.

Вихула указалъ гостю кресло, а самъ схватилъ другое и загремѣлъ имъ объ полъ такъ, какъ будто хотѣлъ раздробить его въ щепки.

Собѣславъ посмотрѣлъ вокругъ, но не сѣлъ.

— Что же васъ привело сюда? — спросилъ Ксаверій, тяжело дыша.

— Небольшое дѣльце.

— Кажется,—отвѣчалъ на это рѣзко Вихула, насмѣшливо измѣряя глазами Собѣслава,—кажется, между нами и Съкиринскими всѣ дѣла покончены.

— Не совсѣмъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? А я думалъ, что, овладѣвъ за долги Съкиринкомъ, мы все покончили?

— Этого мало, что вы овладѣли, надо еще возвратить его,—сказалъ Собѣславъ.

— Ха-ха! послѣ двадцатилѣтняго владѣнія?

— Да, хоть бы и такъ.

— Ахъ ты мой, благодѣтель! Такъ растолкуй же мнѣ, какъ это можетъ случиться?

— Я затѣмъ и пріѣхалъ. Вы не имѣете права на наслѣдство.

— Вотъ какъ!

— Я сынъ и наслѣдникъ Лонгина Сѣкиринскаго.

— Поздравляю васъ съ этимъ!

— И не оставляю Сѣкиринка въ вашихъ рукахъ.

— Прекрасно! Но надо заплатить отцовскіе долги.

— Заплачу.

— Вы заплатите? ха-ха! Чѣмъ же?

— Деньгами,—отвѣчалъ спокойно Собѣславъ,—а отъ васъ попрошу отчета во владѣніе имѣніемъ въ теченіе столькихъ лѣтъ!

Вихула посмотрѣлъ такъ, какъ будто хотѣлъ вывѣдать по глазамъ своего гостя, дѣйствительно ли онъ задумалъ такое дѣло или намѣренъ угрозою что-нибудь выжать изъ его кармана; но Собѣславъ говорилъ серьезно и важно.

— Прежде нежели начнемъ тяжбу, я хотѣлъ попытаться, нельзя ли намъ покончить дѣло безъ дальнѣйшихъ хлопотъ. Родители наши жили въ постоянномъ между собою раздорѣ.

— И мой отецъ вашего выжилъ.

— А я могу вамъ заплатить тою же монетою.

— Коханку! — закричалъ Вихула съ налившимися кровью глазами, потому что всякой разъ бѣлки его краснѣли, когда онъ приходилъ въ бѣшенство. — Коханку! я не забылъ, что ты въ моемъ домѣ, и это одно тебя спасаетъ; но ступай себѣ съ Богомъ и начинай тяжбу; посмотримъ, что изъ нея будетъ!

— Итакъ, мы полюбовно ничего не сдѣлаемъ? — спросилъ Собѣславъ.

— Я выйду изъ Сѣкиринка развѣ мертвый,—сказалъ Бсаверій,—и знайте, почтеннѣйшій, что задѣтъ Вихулу хуже, нежели самого чорта. Меня, братъ, съ вашей не съѣшь!

— И меня также, — отвѣчалъ Сѣкиринскій, — а затѣмъ имѣю честь кланяться.

— И я также! — смѣясь сказалъ Вихула и провелъ гостя въ сѣни не безъ нѣкотораго волненія. Тамъ они еще разъ церемонно раскланялись, и Собѣславъ отправился прямо въ мѣ-

стечко искать юриста, которому бы можно было доверить свое дѣло.

Въ Сѣкиринѣ между тѣмъ была страшная тревога. Панъ Ксаверій побѣжалъ тотчасъ съ новостью къ брату, который въ саду присутствовалъ при сборѣ яблокъ; сестра, слышавшая весь разговоръ сквозь дверь, побѣжала за нимъ. Послѣдовали крикъ, смѣхъ, угрозы. Наконецъ Вихула велѣлъ сѣдлатъ коня, вскочилъ на сѣдло, ударилъ арапникомъ свою клячу и поскакалъ къ пріятелю, нѣкогда юристу, а теперь помѣщику, пану Вертковскому.

Вертковскій жилъ очень близко. Онъ былъ уже не молодой человѣкъ и хорошо помнилъ времена отреченія Сѣкиринскихъ отъ владѣнія деревнею. Зналъ онъ дѣла Вихулы и Сѣкиринскихъ, потому что и тѣ и другія не разъ бывали у него въ рукахъ. Къ несчастью, въ деревенскомъ уединеніи—онъ жилъ съ одной женой, глухой старушкою—привыкъ онъ слишкомъ часто заглядывать въ свою аптечку и принимать лѣкарства такъ часто, что послѣ обѣда рѣдко кому удавалось заставить его трезвымъ. Но опьяненіе его было особеннаго рода. Онъ не держался на ногахъ, глаза у него хлопали, какъ у совы, и повидимому, онъ терялъ всякое сознаніе: между тѣмъ, спросите его о чемъ угодно, онъ отвѣтитъ вамъ какъ нельзя лучше на всякій вопросъ. Только потому и можно было узнать его опьяненіе, что онъ не могъ встать съ кресла и безпрестанно заикался. Что-же касается до памяти, то въ пьяномъ видѣ она у него была еще въ лучшемъ состояніи, нежели въ трезвомъ. Обыкновенно онъ съ женой по цѣлымъ днямъ игралъ бобами въ марьяжъ. Подъ его кресломъ всегда стояла темная сулея съ водкою, которую онъ называлъ цѣлительнымъ притираньемъ, полученнымъ отъ доктора.

Вошедши въ комнату, Вихула тотчасъ, по выраженію лица адвоката, бутылкѣ подъ стуломъ и по тому, что онъ не поднялся навстрѣчу гостю съ своего мѣста, узналъ, что Вертковскій подъ-хмѣлькомъ.

— Какъ поживаете, панъ?—спросилъ крикливо Вихула, усаживаясь противъ него.—Кажется, вы не совсѣмъ здоровы?

— А! а... а...—отвѣчалъ, выпуча на него безсмысленно глаза, адвокатъ.—Да... да... а.

— А я къ вамъ за совѣтомъ. Два слова, почтеннѣйшій.

Не долго буду вамъ надождать. Курьезное, чортъ поberi, дѣльце... Приѣзжаетъ сегодня ко мнѣ Сѣкиринскій.

— Что? покойникъ?—закричала пани Вертковская, бросая бобы.

— Нѣтъ, только сынъ покойника, но со смѣшной претензіей. Старый юристъ выпучилъ глаза больше прежняго.

— Представьте себѣ, панъ:—вспомнила бабка, какъ молодой была,—ему захотѣлось Сѣкиринка.

— Quo ti... tulo?—спросилъ юристъ.

— Взять онъ у нихъ за долги, да, видите ли, мы не имѣемъ права наслѣдства; такъ хочетъ требовать отъ насъ счета и заплатить, сколько слѣдуетъ... Скажите, можегъ онъ въ этомъ успѣть?

— Можетъ...

— Какъ? отобрать у насъ Сѣкириногъ?

— Si pecuniam habet...

— А чортъ его знаетъ, habet ли онъ, или нѣтъ; но безъ того, вѣрно, не приѣхалъ бы. Ну, если habet?

— То и Сѣкириногъ habebit...

— А, чтобъ его черти взяли!—вскрикнулъ Ксаверій.— Если-бъ я зналъ, что дѣло не шутка, я бы, не теряя времени, окорналъ ему уши и отбилъ охоту къ тяжбамъ. Но еще можно поправить дѣло при первой встрѣчѣ...

— Гдѣ же вы его видѣли?—спросила пани Вертковская.

— Онъ приѣзжалъ ко мнѣ съ предложеніемъ мировой, но я отдѣлался отъ него смѣхомъ и выпроводилъ изъ дому.

— Жаль!—коротко отозвался Вертковскій.

— Какъ, неужели въ самомъ дѣлѣ могутъ оттягать у насъ Сѣкириногъ?

— Pecunia,—медленно выговаривалъ старикъ:— все можетъ.

— А сабля, панъ?

— Variabilis,—пробормоталъ Вертковскій.

— Но разсмотрите хорошенько дѣло, помните ли вы его?

— Знаю, какъ негодную монету.

— И думаете, что выиграетъ?

— Probabilitas.

Вертковскій говорилъ всегда законически, будучи пьянъ, потому что ему и одно слово трудно было произнести.

— Ну, по крайней мѣрѣ знаю теперь что дѣлать,—сказалъ Вихула.—Бду въ мѣстечко и первому, кто возьметъ на себя это дѣло, обрѣжу носъ и уши, а пана Сѣкиринскаго выкурю отсюда фухтелями, не допущу его до тяжбы...

Сказавши это и видя, что Вертковскій ничего ему не отвѣчаетъ, Вихула повернулся къ нему спиной, сказавъ: «до свиданья, сосѣдъ», хлопнулъ дверью, сѣлъ на коня и поскакалъ обратно въ Сѣкиринокъ. Тутъ заложили ему тотчасъ бричку, и панъ Ксаверій полетѣлъ въ мѣстечко Черскъ, чтобы запугать адвокатовъ.

На половинѣ дороги между Сѣкиринкомъ и Черскомъ былъ небольшой сосновый лѣсокъ, а подлѣ него стояла убогая корчма. Все урочище извѣстно было подъ названіемъ «Кошачья Горка». Сюда шла также дорога изъ Черчицъ, деревушки пана Корниковского. Случилось такъ, что Собѣславъ, ѣдучи въ Черскъ, избралъ другую дорогу и потому не былъ достигнутъ Вихулою, но подъѣхалъ къ корчмѣ въ то самое время, когда лошади Вихулы отдыхали у корчмы, а онъ прохлаждался въ избѣ квартою пива. Бричка Сѣкиринскаго остановилась тоже у корчмы, чтобы дать отдохнуть старымъ клячамъ пана Корниковского. Два убогіе шляхтича, привязавъ лошадей къ плетню, подкрѣплялись въ сѣняхъ хлѣбомъ и сыромъ. Сѣкиринскій оставался еще въ бричкѣ. Вдругъ выбѣгаетъ изъ корчмы Вихула, обтирая ладонью намоченные пивомъ усы, и обращается прямо къ бричкѣ.

— Поклонъ пану Сѣкиринскому.

— Челомъ бью пану Вихулѣ.

— А что? въ Черскъ?

— Въ Черскъ.

— И я то же.

— Веселѣе будетъ дорогѣ.

Вихула, котораго всѣ въ окресткѣ боялись, не привыкъ, чтобъ съ нимъ такъ небрежно обращались; онъ нахмурился и машинально протянулъ руку къ воротнику кунтуша Сѣкиринскаго. Но прежде нежели онъ до него дотронулся, Собѣславъ досталъ изъ сѣна саблю, выскочилъ изъ брички и уже стоялъ передъ нимъ, не только безъ всякаго страха, но еще и со смѣхомъ.

— Не хотите-ли начать тяжбу съ ушей и носа?—спросилъ онъ.

— Ого! смотрите, какъ онъ громко поеть?—сказалъ Вихула:—а ну-ка, братъ! Ты думаешь, что нашелъ молокососа, который испугается тебя? Я покажу тебѣ, что значить Вихула.

— Я отъ этого не прочь, какъ видите,—отвѣчалъ Собѣславъ,—но только сдѣлаемъ дѣло по дворянски, при свидѣтеляхъ. Тутъ есть въ корчмѣ, я вижу, два шляхтича. Вотъ они глазбють на насъ черезъ порогъ. Возьмешь ихъ въ *пріятели* и, если тебѣ угодно, моспане, попробуемъ.

— Панове братья! просимъ въ свидѣтели!—закричалъ нетерпѣливо Вихула и, обнаживъ саблю, осмотрѣлъ ее и отеръ съ нея рукавомъ пыль.

— Просимъ покорно!—прибавилъ Сѣкиринскій, обнажая свою кривую небольшого размѣра *шерпентинку*, которая заблестѣла въ воздухѣ.

Двое проѣзжихъ, обмѣнявшись взглядомъ, подошли ближе; но ожесточенные враги уже сошлись на бой, какъ пѣтухи: Вихула съ явною яростью, Сѣкиринскій съ хладнокровіемъ, впрочемъ, только наружнымъ. Панъ Ксаверій такъ былъ увѣренъ въ своей непобѣдимости, что не связалъ себѣ даже висячихъ рукавовъ кунтуша. Собѣславъ осмотрѣлъ свою позицію, измѣрилъ взглядомъ врага и поединокъ начался.

Вихула дрался на сабляхъ превосходно; Сѣкиринскій—ловко, какъ сатана, если только сатана когда-нибудь дрался на сабляхъ. Видно было тотчасъ, что въ этомъ искусствѣ онъ бралъ уроки у отличнаго артиста. Хладнокровіемъ своимъ онъ бралъ верхъ надъ противникомъ, который метался быстро, неистово, съ крикомъ, чтобъ сперва утратить неприятели, а потомъ поразить оробѣвшаго. Въ самомъ началѣ онъ задѣлъ Сѣкиринскаго по рукѣ; потекла кровь; но скоро получилъ отъ него такой ударъ въ лобъ, что кровь залила ему глаза и онъ, заслонясь рукавомъ, кричалъ:

— Згода, пане брате!

— Згода!—повторилъ, ударивъ его нѣсколько разъ плашмя саблей, Собѣславъ.—Это тебѣ наука: не задѣвай добрыхъ людей на дорогѣ, если не хочешь носить рубцовъ на лбу.

Сказавъ это, онъ вскочилъ въ бричку, и поклонясь свидѣтелямъ-шляхтичамъ, велѣлъ ѣхать; Вихула же, обрызганный кровью, оперся на свою повозку и кричалъ, чтобы ему подали

тряпку и водки; но едва произнесъ онъ эти слова, какъ упалъ на землю въ безчувствіи.

Собѣславъ видѣлъ это, но не воротился назадъ, потому что безъ него было кому помочь раненому, и продолжалъ свою дорогу въ Черскъ, хладнокровный, какъ будто и не отвѣдывалъ минутой назадъ человѣческаго мяса.

Между тѣмъ, панъ стольникъ Корниковскій спокойно занимался, со скуки, сочиненіемъ syllabическихъ стиховъ въ честь какого-то римскаго героя и плевалъ отъ досады всякій разъ, когда ему приходила въ голову фраза изъ современныхъ стихотворцевъ, которыхъ онъ вытвердилъ наизусть. На дворѣ начинало темнѣть. Вдругъ появляется у порога его комнаты смиренная фигура убогаго шляхтича въ сѣромъ капотѣ.

— А, мой панцырникъ! — сказалъ стольникъ: — каково поживаешь? (Ну, ужъ оду, — подумалъ онъ въ то же время: — окончу послѣ). Что новаго? откуда Богъ несетъ?

— Изъ Черска, вельможный пане.

— Какъ поживаешь? здоровъ ли?

— Слава Богу, здоровъ, къ вашимъ услугамъ. Проѣзжая мимо, зашелъ; не прикажете ли чего нибудь?

— Ну, а дичи нѣтъ?

— Дастъ Богъ, будетъ. Но здѣсь на дорогѣ я чуть-чуть не наѣхалъ на особенную дичь.

— Ну? что тамъ такое? — спросилъ стольникъ.

— Что? Коротко сказать, слава Богу, что обошлось безъ моего грѣха — цѣлая исторія. Ъду я изъ Черска; кляча моя пристала; вотъ я и остановился у Кошачьей-Горки, возлѣ корчмы, чтобъ отдохнуть. Досталъ изъ торбы сыру и хлѣба, смотрю — ѣдетъ панъ Янцентій изъ Мушина и тоже привязалъ коня возлѣ плетня. Вотъ мы и давай полдничать да балагурить. Толкуемъ о томъ о семъ, какъ вдругъ летитъ бричка изъ Сѣкиринка съ паномъ Ксаверіемъ и — тррръ! остановилась. Мы съ Янцентіемъ дали пану мѣсто и сѣли себѣ въ сѣняхъ; что-жъ? слышимъ — ру-ру-ру! опять кто-то ѣдетъ; я узнаю лошадей вашей мосци и какой-то его мосць.

— А, панъ Собѣславъ! Ну, ну, очень любопытно! говори что дальше?

— Сейчасъ, съ позволенія пана, расскажу все по порядку,

какъ слѣдуетъ. Только что кони вашъ-мосци остановились и тотъ панъ спокойно сидитъ себѣ въ бричкѣ, не виноватый ничѣмъ, выбѣгаетъ къ нему Вихула. Что-то сказалъ, а тотъ ему; Господь ихъ знаетъ, чего имъ было нужно; только я вижу, панъ Ксаверій хочетъ ухватить его за воротникъ. Тотъ съ брички да за саблю.

— Ого! за саблю?

— Да, и кричитъ намъ: «панове братья, просимъ въ свидѣтели». Не успѣли мы прибѣжать, какъ тутъ они, пане стольникъ добродѣй, какъ начнутъ хлестать одинъ другого, и Вихула.

— Я былъ увѣренъ! рубака, бестія!—сказалъ стольникъ, ударивъ рукою по столу.

— Вихула его по пальцу! а тотъ, какъ хватить Ксаверія, съ позволенія вашъ-мосци, по лбу! Вихула такъ и облился кровью. Вытаращилъ глаза и ничего не видитъ, а тотъ похлесталъ его плашмя, сѣлъ и поѣхалъ.

Когда шляхтичъ кончилъ свой рассказъ, стольникъ, не встававшій уже давно безъ помощи слуги съ кресла, теперь, отъ радостнаго волненія, всталъ на ноги; глаза его заблестали, лицо загорѣлось румянцемъ; онъ покручивалъ усъ и смѣялся, какъ ребенокъ.

— Смотри-ка, смотри!—сказалъ онъ,—побѣдилъ и отхлесталъ Вихулу! побѣдилъ, якъ Вого кошам! И ты это видѣлъ собственными глазами? Облился кровью? кровью? Иди же, мой милый, выпей у Андрея водки. Пускай онъ нальетъ тебѣ большой кубокъ, что съ звѣздами, и приходи опять ко мнѣ.

Шляхтичъ не заставилъ повторить себѣ приказанія, а стольникъ, сложа руки, какъ на молитву, продолжалъ:

— Благодареніе Господу! онъ еще несовсѣмъ погибъ! Кто знаетъ? можетъ-быть, онъ и не продавалъ перцу! Да, наконецъ, кто будетъ знать объ этомъ? Хватъ! молодецъ! обниму, какъ воротится! Ну, это меня съ нимъ примиряетъ! Хватъ! Ахъ, если бы онъ да не продавалъ перцу! Но что было, то было, А? побѣдилъ Вихулу! Сѣкиринскій всегда Сѣкиринскій! И гдѣ онъ такъ вышкочился?

Такъ говорилъ безъ всякаго порядка, вертясь въ своемъ креслѣ, до самаго возвращенія шляхтича, который, обтерши усы, долженъ былъ опять рассказать ему радостное событіе отъ начала до конца, со всѣми подробностями.

Стольникъ восхищался этимъ происшествіемъ до безконечности, потому что любилъ отъ всей души Собѣслава, съ которымъ раздѣлило его только непріятное воспоминаніе о торговлѣ, оставившей, по его мнѣнію, неизгладимое пятно на дворянскомъ гербѣ Съкиринскихъ. Стольникъ желалъ бы утопить на днѣ моря это воспоминаніе и дрожалъ при одной мысли, что такое безславіе можетъ сдѣлаться гласнымъ. Онъ охотнѣе увидѣлъ бы Собѣслава нищимъ, нежели разбогатѣвшимъ такимъ образомъ, и морщился, думая о его талерахъ, приобретенныхъ продажей перца, талерахъ, смердящихъ, какъ онъ выражался, инбиремъ и свѣчнымъ саломъ. Даже выкупъ Съкиринка этими деньгами былъ ему непріятенъ, хотъ онъ жаждалъ всею душой этого событія. Онъ вѣскольکو утѣлилъ свое горе рыцарскимъ подвигомъ Собѣслава; но когда, потомъ, началъ размышлять самъ съ собой наединѣ и вспомнилъ лавку подаѣ ратуши, по его кожѣ пробѣжалъ морозъ.

— Пускай дѣлаетъ что хочетъ, — сказалъ онъ съ горестью: — но этого невозможно загладить! Во всякомъ случаѣ, это пятно *indelibilis*! А что, если бы всталъ изъ гроба скорбникъ и увидѣлъ сына меркаторомъ! Я думаю, умеръ бы отъ огорченія! Кто ему это посовѣтовалъ, тотъ *coram Deo respondebit*.

Такъ толковалъ самъ съ собой почтенный нашъ панъ Корниковскій, пока не легъ въ постель и не уснулъ; а проснувшись на другой день, опять принялся думать объ этомъ съ огорченіемъ и о побѣдѣ надъ Вихулою — съ отрадою.

Между тѣмъ, какъ все это происходило въ Черчицахъ, Собѣславъ напрасно ходилъ по всему Черску отъ юриста къ юристу, чтобъ поручить кому нибудь изъ нихъ свою тяжбу; въ то же время въ околоткѣ поднялись громкіе толки о полосѣ на лбу пана Ксаверія. Надо знать, что у Вихулы было много *адгерентовъ* и *коллигатовъ*, но одни изъ нихъ объявили себя его *пріятелями* изъ одного страха, а другіе изъ расчета на его помощь при случаѣ, потому что Ксаверій охотно брался за саблю и въ чужомъ дѣлѣ, особенно подогрѣтый напитками. До сихъ поръ никто его не побѣждалъ, никто даже не ранилъ; а тутъ не только нанесена рана, но и позорное хлестанье плашмя по головѣ разнеслось изъ устъ свидѣтелей по всему сосѣдству. Вѣсть эта однихъ поразила, другихъ обрадовала, въ

иныхъ возбудила любопытство. Нѣкоторые принялись вспоминать старинное значеніе Сѣкиринскихъ и почувствовали прежнюю къ нимъ симпатію. Несмотря на это, ни одинъ юристъ въ Черскѣ не брался за дѣло противъ Вихулы. Иные даже совѣтовали Сѣкиринскому отступиться отъ него и шептали ему на ухо, что Вихулы и ихъ приверженцы готовы на все, и пораженіе Ксаверія не только ихъ не обуздаетъ, а еще болѣе ожесточить. Это, однакожь, не удержало Собѣслава отъ иска законнымъ путемъ своего наслѣдственного имѣнія, и онъ готовъ былъ уже, безъ помощи адвоката, приняться самъ за бумаги, какъ ему кто-то указалъ на молодого юриста, Адама Панцеринскаго, который одинъ могъ смѣло взяться за процессъ съ Вихулами.

Панцеринскій, двоюродный братъ извѣстнаго намъ свидѣтеля у Бошачей-Горки, происходилъ изъ бѣдной, размножившейся фамиліи, и своею смѣтливостью нажилъ себѣ извѣстность и деньги, будучи равно жаденъ къ славѣ и богатству. Были разные толки о началѣ жизни пана Адама, но всѣ соглашались въ томъ, что онъ превосходилъ ученостью и искусствомъ всѣхъ мазовецкихъ юристовъ; что для него ничего не значило выиграть тамъ, гдѣ другіе и во снѣ не видѣли выигрыша, выкопать изъ подъ земли забытыя давно обстоятельства дѣла и дать совѣтъ въ самомъ отчаянномъ положеніи. Онъ былъ подобенъ медику, къ которому обращаются тогда уже, когда больной еле дышетъ. Никто не употреблялъ его для своего дѣла, когда права были ясны и не стоило большого труда его выиграть, но въ запутанныхъ обстоятельствахъ, или при недостаткѣ правъ, безъ него невозможно было обойтись. Онъ никому ничего не дѣлалъ даромъ, почти всегда требовалъ большой награды, торговался, какъ будто покупалъ грибы, но зато, если уже за что брался, такъ дѣлалъ чудеса.

Сѣкиринскій съ трудомъ отыскалъ въ отдаленномъ концѣ мѣстечка, надъ Вислою, его домикъ, въ которомъ Панцеринскій жилъ уединенно съ однимъ только мальчикомъ, служившимъ ему переписчикомъ, поваромъ, слугою и кучеромъ. Долго надо было стучаться Сѣкиринскому въ дверь, пока открылъ ее ободранный Янекъ; но слуга, не пуская пришедшаго въ сѣни, получилъ сперва плату, узналъ объ имени гостя, о его надобности, и потомъ уже, оставя его въ передней ком-

натѣ, отправился доложить своему господину въ канцелярію.

Комната не обнаруживала богатства хозяина. Въ ней было только два сосновые стула, лавна, простой столъ, кухонная печь и на стѣнѣ потемнѣвшее изображеніе Христа. Потолокъ былъ низкій, съ перекладинами, дверь узенькая и приземистая, окна о четырехъ стеклахъ, а полъ земляной, усыпанный пескомъ.

Послѣ минутнаго ожиданія, заскрипѣла дверь и вошелъ въ комнату Панцеринскій — фигурка маленькая, шершавая, мизерная, за которую никто не далъ бы трехъ грошей. Бросались въ глаза наблюдателю только длинныя руки, оканчивавшіяся огромными костлявыми пальцами. Нарядъ его также былъ самый мизерный, такъ что Собѣславъ принялъ знаменитаго юриста за другого Янка, и ужъ взялся было за кошелекъ, какъ вдругъ это удивительное созданіе заговорило грубымъ, какъ будто изъ бочки выходящимъ голосомъ:

— Къ вашимъ услугамъ, панъ-добродѣй!

— Панъ Адамъ Панцеринскій?

— Да, да, онъ самъ. Прошу садиться. А вы?...

— Собѣславъ Сѣкиринскій.

— Не Лонгина ли скарбника сынъ?

— Именно, панъ-добродѣй.

— Я очень радъ васъ видѣть у себя, потому что я уважалъ вашу фамилію заочно и былъ еще очень малъ, когда достойный вашъ родитель переселился изъ этого свѣта. Чѣмъ могу служить вамъ?

Собѣславъ изложилъ всѣ обстоятельства своего дѣла, подаль ему бумаги и ожидалъ терпѣливо, пока онъ ихъ разсмотритъ.

Панцеринскій, пробѣжавъ ихъ съ непостижимою быстротою и узнавъ тотчасъ всѣ сильныя и слабыя стороны предстоящей тяжбы, сказалъ:

— Все можно сдѣлать, хоть не скрываю отъ васъ, что съ Вихулами тягаться мудрено. Они чего не сыщутъ судомъ, то станутъ добывать саблей, потому что не затрудняются выборомъ средствъ. Но волка бояться, такъ и въ лѣсъ не ходить! Сдѣлаемъ дѣло; только вотъ какой казусъ: на Сѣкиринкѣ много долговъ; пойдутъ счета новыхъ построекъ, хозяйственныхъ заведеній, процентовъ et sic porro: можетъ быть, придется заплатить больше, чѣмъ стоитъ сама деревушка. Не лучше ли купить другую?

— Я ищу Съкиринка не потому, — сказалъ Собѣславъ, — что это деревня, а потому, что тамъ находятся гробы моихъ предковъ, что это наслѣдіе моей фамиліи, а пожалуй, еще и потому, что имъ владѣютъ враги мои, отравившіе жизнь отца и сведшіе его въ могилу.

— Это дѣло другое, это иная *facies rerum*, — отвѣчалъ Панцеринскій: — если такъ, то мы завоюемъ Съкиринокъ. Но, — прибавилъ онъ перемѣняя голосъ: — *clara pacta claros faciunt amicos*, хотя я и не могу вполне приложить этого къ себѣ, не имѣя права возвышаться до вашей дружбы и будучи только вашимъ слугою. Надо намъ сперва условиться въ наградѣ за мой трудъ. Я человѣкъ бѣдный и живу заработками.

— Дѣло, дѣло! говорите ваши условія?

— Объ этомъ надо подумать. Я явлюсь къ вашимъ услугамъ завтра. Гдѣ вы живете?

— У Ицъка Стеклера, въ Варшавской улицѣ.

— Такъ завтра въ десять часовъ.

Съ тѣмъ они и разстались.

На другой день, лишь только часы на ратушѣ прогудѣли десять, явился къ Собѣславу Панцеринскій, одѣтый немного опрятнѣе, но въ ободранной бричкѣ, которою правилъ Янекъ.

— Дѣло, — сказалъ онъ, послѣ вступительнаго разговора о погодѣ: — дѣло ваше мудреное; но я возьмусь за него, потому что не люблю пачкать и рукъ изъ-за какихъ нибудь пустяковъ. Человѣкъ живетъ для славы и для денегъ, и не долженъ трудиться иначе, какъ за чистое зото: а за легкое дѣло кто золотомъ заплатитъ?

— Сколько же вы хотите?

— *Minimum*... тысячу талеровъ по окончаніи дѣла и вводѣ васъ во владѣніе Съкиринкомъ; а на издержки и разѣзды особо, сколько будетъ по счету.

— Не буду съ вами торговаться, — сказалъ Собѣславъ: — хотя, мнѣ кажется, это ужъ слишкомъ много; но, съ моей стороны, объявляю условіе, чтобъ дѣло кончить какъ можно скорѣе.

— Нѣтъ нужды заключать такое условіе, — сказалъ юристъ: — время у меня дорого; но, съ моей стороны, есть еще одно условіе.

— Еще условіе?

— Одно только, и именно вотъ какое: чтобъ вы, ввѣряя мнѣ свое дѣло, ввѣрили его вполнѣ; чтобъ вы ничего безъ меня не предпринимали, во всемъ держались моего совѣта и, словомъ,— во всемъ, что касается до вашего дѣла, полагались на меня.

— Согласенъ и на это.

— Итакъ, не теряя времени, потому что время дорого, даю вамъ вотъ какой совѣтъ: вы не безопасны отъ Вихуль. Знаю навѣрное, что вамъ готовятъ и будутъ готовить тысячи напастей, чтобъ сбыть васъ съ рукъ какимъ нибудь насиліемъ. Одни вы своею особою противъ ихъ шайки не устоите; надо вамъ тотчасъ прискаты себѣ нѣсколько пріятелей, неотступныхъ ангеловъ хранителей, которые бы готовы были во всякое время взяться за саблю для вашей защиты...

— Гдѣ жъ мнѣ найти ихъ?

— Это ужъ мое дѣло. Я навербую ихъ здѣсь въ Черскѣ съ полдесятка и пришлю къ вамъ. Но безъ нихъ вы не должны дѣлать ни шагу, ни здѣсь, ни въ деревнѣ.

Собѣславъ поблагодарилъ пана Адама за такую заботливость, хотя тутъ же подумалъ, что эти пріятели и дорого будутъ ему стоить, и много съ ними будетъ хлопотъ; но что дѣлать?

Адвокатъ взялъ съ собою бумаги, получилъ немного денегъ на первые проторы и тотчасъ, сѣвъ въ свою бричку, поспѣшно уѣхалъ искать пріятелей, съ которыми совѣтовалъ Собѣславу отправляться въ Черчицы и спокойно ожидать, какъ говорилъ онъ, *felicem eventum* его хлопотъ.

Черезъ нѣсколько часовъ послышался шумъ передъ домомъ. Собѣславъ догадался, что пріятели начинаютъ собираться. Выглянувъ въ окно, онъ въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ двухъ плечистыхъ сѣрокафтанниковъ, изъ которыхъ одинъ велъ за узду коня, а другой шелъ съ мужикомъ и парой лошадей позади, громко спрашивая о квартирѣ пана Съкиринскаго.

Квартиру имъ указали; пара огромныхъ верзилъ съ шумомъ ввалилась въ комнату, представляя одинъ другого вельможному пану.

— Его-мосць панъ Урбанъ Паневка, ловчиць вышгородскій.

— Его-мосць панъ Филоктеть Процинскій, обозниковичъ закрочинскій.

Панъ Урбанъ, трехъ аршинный плечистый мужчина, съ усами, торчащими далеко за предѣлами фizioномiи, загорѣлый, какъ цыганъ, съ морщинистымъ лбомъ, съ пятнами по лицу и съ подбритою лысиной, одѣтъ былъ въ кунтушъ изъ сѣраго сукна, вытертый до нитокъ на плечахъ, обутый въ сапоги, заплатанные безъ всякаго зазрѣнія, и опоясанъ кожанымъ поясомъ съ мѣдною бляхою и сабелькой въ кожаныхъ ножнахъ. Онъ игралъ роль ловкаго и учтиваго кавалера, безпрестанно смѣялся, кланялся, вставалъ со стула, церемонился на всякомъ шагу, при всякомъ выраженiи; но въ глазахъ его было написано грубое буйство.

Панъ Филоктетъ былъ немного ниже, но такъ плечистъ, что напоминалъ собою хорошо связанный снопъ соломы. Этотъ господинъ не тайлъ своего ухарства, широко размахивалъ руками, громко стучалъ каблуками, переставляя стулъ стучалъ объ полъ, гремѣлъ всѣмъ, къ чему только прикасался, и всего больше хлопоталъ о шляхетскомъ достоинствѣ, не давая никому первенствовать передъ собою. Онъ говорилъ мало, но сильно бранился и за каждымъ словомъ повторялъ: *Cium perdo!* особенно, когда былъ къмъ-нибудь недоволенъ. Его звали обыкновенно Цiумпердою и знали миль на шесть въ окружности по той особеннoсти, что онъ могъ въ теченiе дня выпить боченокъ пива и, опорожня его, взять подъ руку, какъ фуражку, и выйти въ добромъ здоровьи, не спотыкаясь.

Едва эти господа усѣлись и деликатно намекнули о медѣ, который по ихъ мнѣнiю, долженъ былъ быть у Стекляра отличный, какъ явился третiй, не такой ужъ видный, но тонкiй, худощавый, смиренный, блѣдный, молчаливый, какъ дерево, и безпрестанно складывавшiй руки такъ, какъ будто приготовлялся молиться. На немъ было что-то похожее на капоть гранатоваго цвѣта, и охотничья сумка; у пояса висѣла сабля, которую онъ называлъ ножикомъ, а подъ рукой держалъ онъ небольшой узелокъ, который положилъ у двери. Онъ отрекомендовалъ себя Юсафатомъ Углемъ, безъ всякаго титула, присовокупивъ къ этому только, что онъ осѣдлый обыватель земли вышгородской; потомъ сѣлъ тихо въ уголокъ, окинулъ взглядомъ двухъ атлетовъ и, сложя руки, принялся прилежно

разсматривать потолокъ. Что касается до господъ Урбана и Филоктета, то они привѣтствовали его учтиво и даже дружески.

На столѣ явился медъ, а съ нимъ вмѣстѣ вошла четвертая фигура, смѣясь и кивая головой. Это было нѣчто очень живое, одѣтое кургузо, съ претензіею на щегольство и молодость. Рыжій хохоль его торчалъ вверхъ, усики туда же; въ ухѣ сережка по-нѣмецки; сабелька на позолоченныхъ ремешкахъ; пестрый поясъ былъ свернуть затѣйливо, чтобъ скрыть протертые мѣста; сапожки были старые, но краснаго сафьяна. Маленькій, проворный, веселый его-мосць панъ Аѳанасій Байдуркевичъ былъ уже навеселѣ, потому что отъ него такъ и разлило запахомъ водки, луку и пива.

— За особенную честь и за сердечное удовольствіе считаю, — началъ онъ: — служить пану такого громкаго имени *contra inimicos*. Меня прислалъ достойный Адамъ Панцеринскій и я пылаю нетерпѣніемъ быть вамъ полезнымъ *omni modo*; а если есть стаканчикъ, такъ я бы попросилъ меду.

Стаканчикъ нашелся по необходимости, и учтивый Урбанъ, вмѣстѣ съ размашистымъ Филоктетомъ и смиреннымъ Юсафатомъ Углемъ, присоединились къ нему, чтобы пить за здоровье Сѣкиринскаго. Скоро всѣ четверо единодушно согласились въ мнѣніи, что и закуска не была бы дѣломъ лишнимъ. Подана была закуска и оказалась такою соленою, что надо было возобновить возліянія. Наступила и ночь, а господа *пріятели* все еще толковали, сидя за столомъ, и все больше о Вихулахъ и о себѣ самихъ. Одинъ только панъ Уголь молчалъ и сидѣлъ съ сложенными руками и поникшею головой, но очередь наблюдалъ добросовѣстно и не допускалъ товарищей забывать о себѣ.

Утромъ, послѣ завтрака, о которомъ не нужно было напоминать честной компаніи, шляхта должна была ѣхать съ Собѣславомъ въ Черчицы; но исключая Угля, который не сдѣлалъ шагу изъ квартиры, и учтиваго Урбана, который также не оставлялъ Собѣслава ни на минуту, остальные разошлись по своимъ надобностямъ: Филоктетъ, занявъ талеръ, отправился на короткое время къ какому-то пріятелю, а Аѳанасій

пошелъ любезничать съ шинкаркой, которая жила напротивъ, и возвратился только къ полудню. Двое первые сѣли на лошадей. Филоктеть общался догнать ихъ, а Байдуркевичъ присосѣдился къ Собѣславу въ бричкѣ и привязалъ къ ней свою влячу, подѣ предлогомъ, что натеръ вчера себѣ ногу о сѣдло.

Такою кавалькадою двинулись они съ мѣста послѣ обѣда и вечеромъ достигли Кошачьей Горки. Тутъ естественно надо было отдохнуть, потому что конные пріотстали, а Байдуркевичъ совѣтовалъ обождать ихъ, чтобъ ночью было безопаснѣе ѣхать его патрону, котораго между тѣмъ занималъ онъ разными рассказами и пугалъ могуществомъ Вихуль, по видимому для него довольно страшнымъ.

Они вошли въ избу, въ которой сидѣлъ жидъ у печки, жидовка за столомъ и какой-то мужикъ у порога. Мужикъ всматривался очень пристально въ пріѣзжихъ, потомъ вышелъ изъ избы, осмотрѣлъ со всѣхъ сторонъ повозку и лошадей и бѣгомъ пустился въ лѣсъ. Это не ускользнуло отъ вниманія Собѣслава. Онъ шепнулъ на ухо Байдуркевичу, чтобъ онъ держалъ ухо востро, но сквозь сумерки не замѣтилъ, какъ тотъ поблѣднѣлъ и задрожалъ. На бѣду, оставшихъ на дорогѣ все еще не было.

Собѣславъ скоро замѣтилъ по нѣкоторымъ маневрамъ Байдуркевича, что отъ него не слѣдуетъ ожидать большой помощи, и рѣшился, положась на волю Божию, обождать въ корчмѣ, пока наконецъ подѣдутъ панъ Урбанъ и смиренный Юсафать.

Начинало уже сильно темнѣть. Байдуркевичъ, жалуясь на зубную боль, легъ въ бричкѣ и зарылся въ сѣно на самое дно. Собѣславъ, посвистывая, прохаживался передъ лошадьми и отъ времени до времени заглядывалъ въ корчму.

Вдругъ на сѣкиринской дорогѣ показались два всадника. Они ѣхали быстрымъ галопомъ; прискакавъ на тяжело дышавшихъ лошадяхъ, оглядѣлись вокругъ и слѣзли на землю. Рожи ихъ были сердиты, взгляды задорны, голоса громки. Пошли они въ избу, пошентались съ жидомъ, вышли опять и, остановясь подѣ навѣсомъ, посматривали съ нетерпѣніемъ на дорогу, ведущую въ Сѣкиринокъ; изрѣдка они посмѣивались и потирали руки, какъ люди, готовящіеся къ пріятному занятію. Байдуркевичъ лежалъ въ бричкѣ и стоналъ.

— Не отиравиться ли намъ далѣе?—проговорилъ онъ.— Они догонять насъ.

Собѣславъ не отвѣчалъ ничего.

— Что, братъ свистунъ!—сказалъ одинъ изъ проѣзжихъ:— куда тебя Господь несетъ?

— Куда глаза глядятъ,—отвѣчалъ Собѣславъ.—А васъ, господа горлодеры, куда?

— Навстрѣчу твоей милости.

— Ну, такъ и ладно,—сказалъ Сѣкиринскій.—А что вамъ отъ меня надо?

— Мы хотѣли узнать, долго ли твоя милость будетъ кормить лошадей у Кошачей-Горки?

— Сколько захочется.

— А если-бъ намъ захотѣлось, чтобъ твоя милость не кормила здѣсь?

— Что-жъ дѣлать? Не всѣмъ одно и то же нравится.

Байдуркевичъ шепнулъ изъ брички:

— Не задирайте ихъ, пока наши подѣдутъ. Я слышу уже топотъ.

— Этотъ топотъ на сѣкиринской дорогѣ,—сказалъ ему потихоньку Собѣславъ.—Приготовься.

— О! если-бъ вы знали, какъ у меня болятъ зубы!

Собѣславъ опять обратился къ забіякамъ.

— Панове братья,—сказалъ онъ серьезно и съ важностью:— вы ищете оказіи?

— Почему же нѣтъ, когда представится удобная?—отвѣчалъ одинъ со смѣхомъ.

— Что же вы называете удобною? Пятерымъ на одного, что-ли, по-разбойничьи?

Шляхтичи очевидно смѣшались; но одинъ тотчасъ оправился.

— Ты насъ считаешь буянами? Что ты за человекъ?

— Ты знаешь, кто я, какъ и я знаю, кто вы.

— Напримѣръ?

— Пріатели Вихулы.

— Сразу попалъ! Врасплохъ его нехватишь! Уда-
лый парень! Такъ ты, мосци пане, знаешь, чего мы отъ тебя
желаемъ?

— Какъ нельзя лучше. Только это ни къ чему не поведетъ.

— Не поведеть? а какъ мы тебя хорошенько потреплемъ?

— Попробуйте.

Но шляхтичи, не пробуя, все поглядывали на дорогу въ Сѣкиринокъ, откуда съ каждымъ мигомъ яснѣе и яснѣе слышался топотъ лошадей; наконецъ прискакало четыре всадника, подъ предводительствомъ Ксаверія, у котораго на лбу была повязка.

— Вставай и берись за саблю!—сказалъ Собѣславъ Байдуркевичу.

Нечего было дѣлать. Панъ Аѳанасій медленно вылѣзъ изъ брички, оцупалъ свою сабельку и неохотно помѣстился за спиной Сѣкиринскаго, повторяя ему шопотомъ:

— Не торопись, пока подъѣдутъ наши.

Но совѣтъ былъ напрасенъ, потому что прїѣзжіе окружили Собѣслава, обнаживъ сабли съ крикомъ:

— А ну, разбойникъ! а ну, Сѣкира! а ну, трутень!

Собѣславъ, не теряя присутствія духа, прислонился къ бричкѣ и, обнажа свою саблю, стоялъ твердо, какъ стѣна.

— Мосци-панове! сказалъ онъ:—если вы шляхтичи, а не разбойники, и имѣете противъ меня что-нибудь, то я готовъ служить каждому изъ васъ поочередно, но только, какъ слѣдуетъ, по одиночкѣ, а не отбиваться отъ васъ, какъ отъ стаи волковъ.

— А, онъ еще и бранится!

И всѣ подняли сабли, какъ будто хотѣли разрубить его на части, а между тѣмъ Вихула кричалъ:

— Отхлестать его плашмя, отхлестать его!

Байдуркевичъ, принявъ во вниманіе зубную боль и неравенство силъ, спрятался подъ бричку и уже думалъ, какъ бы удрать незамѣтно въ лѣсъ.

Поднялся страшный крикъ, съ цѣлью напугать Собѣслава, но тотъ, стоялъ непоколебимо.

— Хочешь спастись отъ смерти?—закричалъ Ксаверій:—подниши отреченіе отъ Сѣкиринка—и ступай себѣ къ чорту!

Сѣкиринскій въ отвѣтъ на это только засмѣялся.

— Что? нѣтъ? такъ мы тебя разнесемъ на куски на сабляхъ!

— Что будетъ, то будетъ!—сказалъ Собѣславъ.

И едва произнесъ онъ эти слова, какъ на него посыпались сабельные удары. Одинъ изъ нападающихъ сильно ранилъ его въ плечо; рука его опустилась, глаза сомкнулись и онъ упалъ безъ чувствъ. Но въ ту же минуту прискакали Урбанъ и Иосафатъ. Увидя ихъ, и Байдуркевичъ вылезъ изъ подъ брички и началъ кричать и махать саблею.

Пріятели Вихулы, застигнутые врасплохъ непріятелями и испугавшись своего подвига, потому что считали Собѣслава мертвымъ, вскочили на коней и разбѣжались, кто куда попалъ.

Въ это время прискакалъ и Иосафатъ.

— Ого! крикнулъ онъ, — есть работа!

— Была да ушла, — отвѣчали ему. — Нашъ принципаль раненъ. Положить его въ бричку. Дайте сюда водки. Эхъ, народъ! остались позади, а тутъ на него напали, панъ же Байдуркевичъ спрятался подъ бричку.

— Кто? я подъ бричку? — крикнулъ тотъ пронзительнымъ голосомъ. — Я? посмотрѣли бъ вы, какъ я тутъ рубился! Но пятеро на двоихъ — не шутка. Кажется, я гдѣ-то раненъ.

— Въ сапогъ, — сказалъ Иосафатъ, который изъ смиреннаго молчаливца превратился въ развязнаго забулдыгу.

Байдуркевичъ хотѣлъ обидѣться, но Филоктетъ закричалъ:

— *Cum perdo!* молчи, да помоги положить пана Съкиринскаго въ бричку. Давайте сюда перевязку.

Байдуркевичъ хлопоталъ подлѣ раненаго больше всѣхъ и увѣрялъ, что и разбойники не ушли безъ ранъ; онъ даже хотѣлъ показать товарищамъ саблю, но тутъ же вспомнилъ, что въ темнотѣ они не замѣтятъ на ней слѣдовъ крови.

— Завтра увидите, какъ она окровавлена! — сказалъ онъ.

— На кухнѣ у пана Корниковича, — прибавилъ, къ общему удовольствію, смиренный Иосафатъ и опять жестоко обидѣлъ храбраго Байдуркевича.

Осмотрѣли у Собѣслава раны. Самая тяжелая была нанесена въ плечо; прочія можно было считать царапинами. Въ тотъ вѣкъ шляхта умѣла лѣчить раны. Обмыли и перевязали ихъ не хуже военного лѣкаря, и потомъ двинулись къ Черчицамъ. Но ѣхать быстро было невозможно, и едва на разсвѣтъ бричка достигла деревни пана стольника.

Стольникъ, пробужденный отъ утренняго сна, вышелъ съ

налкою въ рукѣ на крылечко навстрѣчу Собѣславу и, посмотрѣвъ на его товарищей, изъ которыхъ каждый представился ему заключилъ, что если только эти гости подольше останутся въ Черчицахъ, то и кладовая и пивная опустѣютъ.

За лѣкаремъ посылать не было надобности, потому что Яковъ, старый слуга Корниковского, нѣкогда воинъ, умѣлъ лѣчить ихъ, какъ нельзя лучше. Итакъ, Собѣслава отнесли въ его комнату и уложили въ постель. Учтивый Урбанъ очень тонко намѣкнулъ, что не мѣшало бы перекусить; всѣ подтвердили его мнѣніе хоромъ, и панъ стольникъ повелѣлъ гостей въ столовую.

Байдуркевичъ, окинувъ глазами еще при вѣздѣ во дворъ молоденькую дочь ключницы, уже прокрадывался за нею въ погребъ, напѣвая ей пѣсни. Урбанъ и Филоктетъ храбро рассказывали хозяину всѣ подробности печальнаго происшествія, а Уголь сидѣлъ молча и, сложа руки, покачивалъ головой во время рассказа своихъ товарищей.

Между тѣмъ Вихула съ своими пріятелями радовался, что отомстилъ врагу за свою полосу на лбу. Онъ не боялся судебного слѣдствія, потому что въ то время въ Польшѣ подобные ему люди имѣли подъ рукой много средствъ уйдти отъ кары законовъ. Что-то, однакожъ, его тревожило, и онъ до тѣхъ поръ не успокоился, пока не запылъ своего волненія доброю мѣрою пива.

На другой день утромъ о нападеніи Вихулы на Собѣслава узнали вездѣ, въ томъ числѣ и въ Черскѣ. Этого только и нужно было Панцеринскому. Нападеніе на путешественника ночью, насиліе, разбой—всѣ эти слова запестрѣли въ его бумагахъ, и слѣдствіе началось со всею торжественностью. Между тѣмъ искъ объ имѣніи пошелъ своимъ порядкомъ. Адвокатъ съ большимъ искусствомъ изложилъ права Сѣкиринскаго и его убытки, между которыми важную роль игралъ жилой домъ, разрушенный Вихулами, такъ что Сѣкиринскій, вступя во владѣніе деревнею, долженъ былъ еще требовать отъ ея владѣльцевъ около 30,000 злотыхъ, не считая судебныхъ проторей и убытковъ.

Вихулы тогда только узнали о быстрыхъ дѣйствіяхъ Панцеринскаго, когда уже приговоръ висѣлъ надъ ними и ихъ вызывали къ отвѣту. Захваченные врасплохъ, они совершенно

растерялись и, не являсь сами къ отвѣту, не успѣли никого уполномочить, такъ что въ первой инстанціи дѣло было рѣшено въ пользу истца. Испугавшись этого рѣшенія, они выбрали своимъ адвокатомъ стараго нѣмца Вахлера, давно уже поселившагося въ Мазовіи. Вахлеръ дѣйствительно былъ въ свое время славнымъ юристомъ, но теперь состарѣлся, потерялъ зрѣніе и больше проповѣдывалъ о своихъ давнишнихъ успѣхахъ, нежели дѣлалъ новые. При всѣхъ его стараніяхъ, Съкиринскій выигралъ тяжбу и во второй инстанціи.

Тогда Вихулы увидѣли, что имъ приходится плохо, тѣмъ болѣе, что имъ угрожала отвѣтственность за насиліе и рану, и прислали къ Собѣславу посредниковъ, соглашавъ на мировую. Они уступали часть деревни, только бы не платить денегъ за владѣніе ею, за нападеніе на Съкиринскаго.

Собѣславъ, уже выздоровѣвшій, отвѣчалъ, что онъ заключить мировую только въ такомъ случаѣ, когда они уступятъ ему весь Съкиринокъ, зачисливъ его претензіи въ уплату ихъ претензій и принявъ отъ него за свою часть деревни извѣстную сумму денегъ. Въ такомъ только случаѣ онъ соглашался прекратить искъ за нанесенныя ему насиліе и рану.

— Лучше пойти по-міру, чѣмъ согласиться на такую мировую! — воскликнули на это Вихулы.

— Такъ и пойдете, — отвѣчалъ хладнокровно панъ Собѣславъ.

Поданы были апелляціи въ высшую инстанцію суда. Панцеринскій отправился въ Люблинъ, а Собѣславу наказалъ сидѣть въ Черчицахъ. Пріятели не покидали его, кромѣ Байдуркевича, отъ котораго стольникъ нашелъ средство какъ-то ловко отдѣлаться. Вихулы поѣхали также въ Люблинъ и повезли съ собой Вахлера; но дѣла ихъ шли плохо.

Вихулы увидѣли наконецъ, что пришла бѣда и что теперь невозможно ужъ будетъ увернуться отъ правосудія, какъ это они думали на первыхъ порахъ, пока дѣло не выходило изъ околотка — и прислали въ Черчицы своего родственника Валинскаго съ послѣдними условіями. Панцеринскій, съ своей стороны, отправилъ нарочнаго къ пану Собѣславу съ письмомъ, въ которомъ давалъ ему наставленія, что можно и чего нельзя взять съ противниковъ. Стольникъ также былъ на сторонѣ мировой, потому что боялся, чтобъ кто-либо изъ враговъ Собѣ-

слава не узналъ тайны о его торговлѣ, что оттолкнуло бы отъ него всѣхъ приверженцевъ, не исключая и самого адвоката.

Побѣжденные на судѣ Вихулы соглашались уступить Собѣславу свою часть деревни за небольшую сумму, лишь бы онъ прекратилъ свой уголовный искъ. Собѣславъ принялъ эти условія, и панъ Валинскій полетѣлъ въ Люблинъ. Процессъ былъ остановленъ, и Ксаверій выѣхалъ на *грунтъ*, для окончательнаго подписанія мировой и передачи имѣнія.

Скоро послѣ этого событія, панъ Собѣславъ Сѣкира-Сѣкиринскій вступилъ во владѣніе отцовскою деревнею и послалъ кибитку въ Люблинъ за Доротою. Черезъ нѣсколько дней Дорота была уже на родинѣ. Какъ все здѣсь измѣнилось! Не было стараго дома, срублено было множество памятныхъ ей столѣтнихъ деревъ, проложены новыя тропинки, перемѣшаны дороги, деревенскія постройки покривились, постарѣли, а многія совсѣмъ обрушились. Доброй служанкѣ казалось, что она найдетъ каждый предметъ на своемъ мѣстѣ, какъ будто она вчера только отсюда уѣхала; но тутъ почти ничего не осталось прежняго. Люди вымерли, деревья свалились, постройки обрушились, и не многіе даже ихъ помнили; мало нашлось людей, съ которыми она могла бы поговорить о прежнихъ временахъ и о старыхъ господахъ своихъ. Но, несмотря на все это, она была счастлива и живо припоминала себѣ бывшее, бродя по заросшимъ ужъ травою возвышеніямъ, обозначавшимъ мѣсто стараго дома.

Домъ, изъ котораго выбрались Вихулы, совсѣмъ ей не нравился; она совѣтовала пану Собѣславу выстроить новый; но ему и безъ того было довольно дѣла. Знакомые и незнакомые, узнавъ о Сѣкиринскомъ, котораго ужъ провозгласили богачемъ, хоть онъ далеко не былъ имъ, пріѣзжали одинъ за другимъ засвидѣтельствовать свое почтеніе новому сосѣду. И столѣтникъ притащился также съ своему питомцу. Къ счастью, онъ засталъ Собѣслава одного, а то не выдержалъ бы старикъ и непремѣнно разболталъ бы свою тайну при взглядѣ на развѣшанные по стѣнамъ знакомые ему портреты и родословное дерево — предметъ вѣчныхъ разсказовъ покойнаго скарбника.

— А! — сказалъ онъ прослезившись: — все это прекрасно; но что, когда бы эти мужи воскресли и спросили тебя: панъ Собѣславъ, чѣмъ ты купилъ все, что теперь имѣешь?

Сѣкиринскій покраснѣлъ.

— Вѣчно у васъ ваши подозрѣнія, панъ стольникъ!

— Ахъ, если-бъ только ты зналъ, какъ это грызетъ мою душу, ты не обвинялъ бы меня, что я иногда скажу слово, другое! У меня это какъ камень лежитъ на совѣсти: я былъ твоимъ опекуномъ, и допустилъ тебя до этого!

— До чего же, панъ стольникъ?

— Опять! Отпирайся, сколько хочешь, а я хорошо понимаю и твое странное поведеніе въ Люблинѣ, и какъ ты пріобрѣлъ эти деньги. Горькими слезами я ихъ оплакиваю. Надо же мнѣ на старости лѣтъ носить въ сердцѣ этотъ грызущій червь! Не можетъ быть, чтобъ это не обнаружилось. Опасная тайна, *omnium regum incertissima*—невозможно скрыть ее! Не разъ ночью мнѣ представляется, что твои предки приходятъ и требуютъ отъ меня отчета въ твоёмъ поведеніи.

— Но, ради Бога, панъ стольникъ, что вы обо мнѣ думаете? Неуже ли вы полагаете, что я не цѣню, не почитаю памяти предковъ и моего дворянскаго герба?

— Цѣнишь, только ты посыпалъ его перцемъ!

— Кто же мнѣ это докажетъ?

— Эхъ, эхъ! не вызывай волка изъ лѣсу!

— Кто-бъ ни сказалъ это обо мнѣ — скажетъ ложь. Ни одинъ Сѣкиринскій не запятналъ себя низкимъ поступкомъ, а я послѣдній въ ихъ фамиліи.

— Тере-фере бука—стрѣляетъ баба изъ лука! Не мнѣ бы ты это говорилъ по крайней мѣрѣ. О, если-бъ это была правда! я поцѣловалъ бы тебя!

— Вѣрьте, что это правда. Что общаго между какимъ-то Фальковичемъ и Сѣкиринскимъ?

— *Utinam!* но оставимъ это. *Noras non numero nisi serenas.* Поговоримъ лучше о будущемъ. Ты теперь *possessionatus* старого пенелища, обладатель наслѣдія предковъ — пора подумать о женитьбѣ...

— Я ужъ объ этомъ думалъ,—сказалъ со вздохомъ Собѣславъ.

— А я такъ и пріѣхалъ за тѣмъ, чтобъ потолковать объ этомъ. Тутъ не должно медлить, потому что съ каждымъ годомъ жениться будетъ тебѣ труднѣе. Ты знаешь пословицу?

— Согласенъ, панъ стольникъ; но сперва хочу высказать вамъ свою мысль.

— Почему же и нѣтъ? Только бы хорошую.

— Вы знаете, какого я происхожденія...

— Если бы только не этотъ перець!

— Благодаря Бога, я не вижу здѣсь никого лучше насъ въ околоткѣ. Дворянство наше восходитъ почти до временъ баснословныхъ; предки мои занимали первѣйшіе мѣста въ Рѣчи Посполитой; имѣннице у меня порядочное, и я могу рассчитывать на самую блестящую партію...

— Если бы только не этотъ перець!—повторялъ упрямо стольникъ.

— Для возстановленія прежняго значенія моего рода мнѣ должно искать не столько богатства, сколько знатнаго происхожденія, хотя бы невѣста моя была изъ бѣднѣйшаго дома.

— Мнѣ кажется, что я слышу твоего отца!—отвѣчалъ стольникъ:—соглашаюсь, laudo, лишь бы только ты сдѣлалъ это, какъ говоришь! Но чѣмъ дольше тебя слушаю, тѣмъ больше удивляюсь, что ты съ такимъ почтеніемъ къ древности твоего рода опустился въ такую грязь. Ну, посовѣтуемся же, нѣтъ ли у тебя кого-нибудь на примѣтъ?

— Покамѣстъ еще нѣтъ.

— Я тоже не вижу въ сосѣдствѣ для тебя достойной партіи. Надо, видно, будетъ искать подальше, а пожалуй, и возлѣ Кракова, гдѣ живетъ родня твоей покойной матери. Подумаемъ, посмотримъ, какъ это лучше сдѣлать. Но постой, какъ же это мы забыли о паннѣ каштелянкѣ!

— О какой?

— Ба! да ты, вижу, ее не знаешь! Каштелянка! ее знаютъ все! Сирота magni nominis, живетъ у дяди, пана воеводы, милахъ въ двухъ отсюда. Ничего лучше придумать нельзя. Правда, у нея ничего нѣтъ, потому что отецъ до послѣдняго гроша все спустилъ съ рукъ...

— Молода?

— Не думаю, потому что, лѣтъ десять назадъ, она была ужъ невѣстой, только никто не сватался. Но лѣтъ тридцати слишкомъ, не болѣе.

— Хороша собою?

— Сколько помню, красавицей она не была; не знаю, какъ теперь. Есть люди, которые съ лѣтами дѣлаются красивѣе. Но тутъ дѣло идетъ не о красотѣ, а о знатности рода. Мала ростомъ, смугла, немного кривобока, но пріемы панскіе, и едва кивнула мнѣ головой, когда я былъ у воеводы.

Собѣславъ сильно призадумался.

— Тутъ размышлять нечего, — сказалъ стольникъ, — а надо запрягать лошадей и ѣхать къ воеводѣ.

— Какъ? безъ всякаго предлога?

— Предлогъ найдемъ. Надо поговорить о выборахъ; я тебя представляю, какъ кандидата въ депутаты. Ты приглянешься паниѣ, а я брошу словечко воеводѣ, чтобъ узнать его мысли...

Собѣславъ не отвѣчалъ ничего; видно было, однакожь, что душа его стѣснена тяжкимъ чувствомъ. Но онъ взглянулъ на родовое дерево, на портреты Сѣкиринскихъ и сказалъ геройски:

— Поѣдемъ, панъ стольникъ!

Старикъ, несмотря на свою подагру, часто не позволявшую ему даже подняться съ своего кресла, былъ человѣкъ живого характера. Не собираясь долго, онъ на другой же день отправился съ Собѣславомъ къ воеводѣ, который временно проживалъ въ своемъ замкѣ надъ Вислою. Панъ воевода не происходилъ отъ тѣхъ магнатовъ, которыхъ владѣнія были похожи своею обширностью на небольшія области. Онъ возвысился посредствомъ женитьбы; ему было очень трудно поддерживать свое значеніе въ столицѣ небольшими доходами съ своего имѣнія, и онъ часто пріѣзжалъ въ деревню наслаждаться свѣжимъ воздухомъ и лѣчить карманъ отъ излишняго напряженія силъ. Здѣсь онъ жилъ очень экономно въ своемъ, такъ называемомъ, замкѣ, отличавшемся отъ обыкновенныхъ деревенскихъ домовъ только огромными воротами съ гербомъ. Несмотря на то, онъ сохранялъ и здѣсь необходимыя принадлежности знатности, и его *маршалекъ двору* ввелъ гостей въ пустую залу съ такою важностью, какъ будто она наполнена была драгоценной мѣбелью, статуями и картинами.

Панъ воевода, заставя своихъ гостей обождать себя столько, сколько требовалъ его санъ, явился наконецъ къ нимъ съ величественнымъ видомъ и снисходительною любезностью, въ которой онъ подражалъ современной знати. Попрося гостей своихъ

садиться, онъ началъ разговоръ жалобою на множество своихъ занятій, говорилъ, что король и сенатъ не даютъ ему покою въ деревнѣ и вызываютъ въ столицу, угрожалъ отказаться отъ своего мѣста, и пр. и пр.

Стольникъ умѣлъ на все это отвѣчать общепринятою лестью, которая, повидимому, дѣлала пріятное впечатлѣніе на воеводу; потомъ мало-по-малу перешелъ къ выборамъ и представилъ покровительству вельможнаго пана своего воспитанника, о происхожденіи котораго говорилъ съ такою увѣренностью, какъ будто воевода давно ужъ зналъ славу и древность его рода.

Но, увы! насмѣшливая улыбка, мелькнувшая на устахъ магната, показала ясно, что онъ и не слышалъ никогда о Сѣкиринскихъ. Однакожъ, вѣжливость заставила его потакать пану Корниковскому, и онъ обѣщалъ свое содѣйствіе Собѣславу къ достиженію званія депутата.

Въ это время *маршалекъ двору* объявилъ, что кушанье подано на столъ. Воевода повелъ гостей въ столовую, гдѣ они нашли ужъ за столомъ хозяйку, сына ея съ французомъ-гувернеромъ и племянницу, каштелянку, особу чрезвычайно невзрачную, но глядящую гордо и свысока, такъ что Собѣславъ не осмѣлился и подумать заговорить съ ней. Разговоръ раздѣлился на двѣ партіи. Хозяйка бесѣдовала съ племянницей, сыномъ и французомъ на непонятномъ для нашихъ шляхтичей языкѣ; воевода, съ явною скукой, толковалъ со стольникомъ о хозяйствѣ и предстоящихъ выборахъ. Обѣдъ былъ очень скуденъ и приготовленъ дурно. Воевода наливалъ себѣ и французу вино изъ одной бутылки, а изъ другой потчевалъ гостей чѣмъ-то въ родѣ уксуса. Наконецъ обѣдъ кончился; встали. Хозяйка тотчасъ удалилась на свою половину, а воевода, зѣвая, повелъ гостей въ залу. Посидѣвъ съ минуту и замѣтя, что вельможный панъ начинаетъ дремать, гости встали, распрощались и уѣхали.

— А что, панъ Собѣславъ?—сказалъ панъ стольникъ,—не правда ли, что невѣста хоть куда?

— И приступу нѣтъ!—отвѣчалъ тотъ.—Панъ стольникъ, высокіе пороги не для моихъ ногъ!

— Какъ нѣтъ приступу? Пустяки болтаешь! Почему не попытаться?

— Чувствую, что это было бы напрасно.

— Я ручаюсь, что удастся! Дѣвушка не молодая, не хороша собой, не богата — выйти за Сѣкиринскаго, богатаго и молодого человѣка! Да ты ей сдѣлаешь благодареніе!

Собѣславъ пожалъ плечами.

— Ну, вотъ я завтра отправлюсь опять въ замокъ (Корниковскому непремѣнно хотѣлось въ деревенскомъ домѣ воеводы видѣть замокъ) и поговорю съ воеводою.

Стольникъ на другой день утромъ дѣйствительно явился просить аудіенціи у воеводы.

Его ввели въ кабинетъ, наполненный книгами, газетами и бумагами, свидѣтельствовавшими о великихъ и важныхъ занятіяхъ государственнаго человѣка. Воевода попросилъ его садиться и приготовился слушать, но не мало удивился, когда старикъ началъ такимъ образомъ:

— Извините, ясновельможный пане и ласковый добродѣй, если я скажу что-нибудь неумѣстное и поражу вашъ слухъ неожиданнымъ предложеніемъ. Счастья искать можно всякому; я же, будучи стариннымъ пріятелемъ родителей пана Сѣкиринскаго, который древностью своего рода и славою предковъ можетъ равняться съ первыми домами въ Польшѣ, и желая возобновить эту славу, возымѣлъ ревностное желаніе...

— Но въ чемъ дѣло, почтеннѣйшій, въ депутаціи, что ли?

— Нѣтъ, ясновельможный пане, депутація была, такъ сказать, только предлогомъ для ближайшаго взгляда на предметъ нашихъ мыслей. Его-моцъ, панъ Сѣкира-Сѣкиринскій, котораго прапрадѣдъ, какъ вашей ясновельможности всеконечно и самимъ вѣдомо...

Воевода пожалъ плечами.

— Котораго прапрадѣдъ носилъ санъ *supremi belliducis*, а дѣды *castellaneatus et palatinata magna cum laude gesserunt*...

— Что жъ изъ этого слѣдуетъ?

— Панъ Сѣкиринскій между коронною шляхтою *memoria gestorum* своихъ предковъ *fulgens*, намѣренъ вступить въ законный бракъ и дружество по гробъ съ особою столь же знаменитаго рода...

— Помоги ему Богъ, — сказалъ воевода. — Но что я могу тутъ для него сдѣлать?

— Какъ? развѣ ваша ясновельможность не видите, къ чему направлена моя рѣчь?

— Право, я до сихъ поръ ничего не понимаю.

— Вашей ясновельможности каштелянка...

— Какъ?—вскричалъ, вскочивъ съ кресла воевода,—какъ?

И онъ разсмѣялся такъ искренно, такъ раскатисто, такъ громко, такъ неистово, что изъ передней прибѣжалъ лакей, разбуженный отъ сна необыкновеннымъ хохотомъ ясновельможнаго пана.

Стольникъ остолбенѣлъ. Воевода опомнился, удержалъ бурный порывъ своей веселости и сказалъ, отирая слезы:

— Ай-да панъ стольникъ! Позволь рассказать объ этомъ женѣ, потому что не могу выдержать!

Борниковскій, не понимая чѣмъ онъ до такой степени разсмѣшилъ воеводу, не успѣлъ еще открыть рта, какъ тотъ побѣжалъ ужъ къ женѣ и чрезъ минуту по всему дому раздался неслыханный хохотъ. Хозяинъ возвратился наконецъ къ гостю, немного успокоенный.

— Прости меня,—сказалъ онъ старику,—но такое неожиданное и странное предложеніе...

— Чѣмъ же оно странно, ясновельможный пане? — спросилъ обиженный стольникъ.

— Согласенъ, что Сѣкиринскій или Сѣкарницкій, какъ ты, пане, его называешь...

— Да, Сѣкиринскій!—сказалъ съ досадою стольникъ.

— Согласенъ, что онъ происходитъ отъ знаменитой фамиліи, но его знаменитость слишкомъ стара и какъ-то позабыта. У меня два эконома носятъ эту фамилію—какъ же ты хочешь, чтобъ каштелянка...

Стольникъ схватилъ шапку, поклонился и ушелъ, не сказавъ ни слова. Воевода показался ему, если не сумасшедшимъ, то по крайней мѣрѣ глупымъ, какъ пробка.

Воротясь въ Сѣкириноу, онъ не хотѣлъ сообщать Собѣславу всѣхъ подробностей своего сватовства и ограничился только общими выраженіями; но тотчасъ принялся, надѣвъ очки, копировать родословное дерево Сѣкиринскихъ, склеенное крахмаломъ на четырехъ листахъ бумаги и отправилъ съ этой копіей нарочнаго къ воеводѣ.

— Пускай увидить, убѣдится и кается вѣчно! — сказалъ онъ самъ себѣ мысленно. — Я простилъ бы ему, когда бъ онъ зналъ что-нибудь о торговлѣ перцемъ, но заподозрить и уничтожать знаменитость Сѣкиринскихъ! не знать, что они значать! это глупость, это варварство!

Сильно разгнѣванный на воеводу, старикъ воротился къ себѣ въ Черницы и трое сутокъ не вставалъ съ постели. Онъ, однакожъ, не переставалъ думать о женитьбѣ Собѣслава; только всѣ невѣсты, которыхъ рекомендовали ему сосѣди для его питомца, были не по вкусу ни ему, ни Собѣславу.

Герой нашъ не спѣшилъ, впрочемъ, женитьбою, и всякій разъ, какъ ему объ этомъ напоминали, онъ глубоко вздыхалъ и, повидимому, боролся съ какою-то мыслью, съ какимъ-то тайнымъ чувствомъ. Онъ былъ угрюмъ и задумчивъ; ничто его не радовало, и онъ смотрѣлъ на свою будущность, какъ на тяжелый путь, не скрашенный никакими надеждами, никакими веселыми мечтами. При началѣ своей деревенской жизни, во время процесса съ Вихулами, борьба съ препятствіями, каждая торжества надъ врагами и безпрестанное волненіе души такъ живо его занимали, что онъ совсѣмъ не походилъ на своего молчаливаго, празднаго и погруженнаго въ себя отца; но теперь, когда прошли всѣ его безпокойства, когда исчезли всѣ препятствія и козни враговъ, вызывающія его энергію — никогда веселый смѣхъ не оживлялъ его лица, никогда не выходилъ онъ изъ своего холоднаго спокойствія. Неужели ему было жаль прошедшаго? но о чемъ было жалѣть ему? неужели о тѣхъ тяжкихъ заботахъ, о томъ постоянномъ напряженіи воли, въ какомъ онъ прожилъ десять лѣтъ? Да, мы часто грустимъ о минувшихъ хлопотахъ, какъ бы они ни были тягостны, чувствуя, что вмѣстѣ съ ними мы потеряли невозвратимую часть своей жизни!

Стольникъ напрасно старался развлечь, занять, развеселить его; наконецъ онъ плевалъ съ досады и ворчалъ про себя:

— Погубила его эта несчастная торговля! Его грызетъ совѣсть! совѣсть! пятно неизгладимое! Я зналъ, что онъ рано или поздно это почувствуетъ! Надо ему скорѣе жениться.

Но когда старикъ начиналъ говорить о женитьбѣ, Собѣславъ каждый разъ молчалъ упорнѣе и дѣлался угрюмѣе.

— Что жъ изъ этого будетъ?—воскликнулъ столъникъ.— Думаетъ, думаетъ, да не старается, не ищетъ, а годы между тѣмъ уходятъ. Если теперь не найти невѣсту, такъ что же послѣ!

— Панъ столъникъ!—сказалъ однажды, собравшись съ духомъ, Сѣкиринскій:—вѣдь если дворянинъ женится хоть и на... мѣщанкѣ (это слово онъ произнесъ очень робко), то этимъ не теряетъ дворянства ни самъ, ни его дѣти, а напротивъ передаетъ его и женѣ.

Столъникъ вскочилъ съ мѣста, несмотря на то, что его ноги были завернуты въ фланель, посмотрѣлъ на него удивленными и блестящими глазами, упалъ въ кресло и ударилъ рукою по столу.

— Что это твоя милость снова задумала? а? а? Понимаю! У тебя что-то люблинское за душою!

— Я спрашиваю.

— А на кой чортъ спрашивать тебѣ, когда-бъ въ этомъ чего-нибудь не таилось?

— Ну, а если-бъ и таилось?

— Этого только тебѣ и не достааетъ! — закричалъ грозно старикъ, ухватясь за голову, и продолжалъ съ отчаяніемъ:— ступай и дѣлай, что тебѣ любо, но отрекись отъ меня, отъ моего знакомства и опеки, отрекись отъ отцовскаго имени и своего происхожденія! Да, да! Ты потрясешь кости отца въ могилѣ, и прахъ твоихъ предковъ затрепещетъ при твоёмъ имени! Послѣдній! послѣдній въ роду, вмѣсто того, чтобы возвысить блескъ своего родословнаго дерева; вмѣсто того, чтобы воздвигнуть ех *oblivione* почтенное имя, ты хочешь погребсти его навѣки и покрыть новымъ безславіемъ! Не довольно для тебя денегъ, *in tam vili mercaturae statu* заработанныхъ, которыя должны бы жечь твою ладонь, ты еще хочешь дать своимъ дѣтямъ мать мѣщанку... Если ты это сдѣлаешь, знай напередъ, что я прокляну тебя *nomine et auctoritate parentum!*

Окончивъ рѣчь, столъникъ ударилъ кулакомъ по столу и тяжело дыша, замолчалъ. Между тѣмъ глаза его наблюдали, какое онъ произвелъ впечатлѣніе на Сѣкиринскаго.

Тотъ стоялъ блѣдный, смущенный, какъ преступникъ.

— Панъ столъникъ,—сказалъ онъ:—я не думалъ объ

этомъ и не думаю; напрасно вы горячитесь; я совѣмъ съ другимъ намѣреніемъ спросилъ васъ.

— Съ какимъ же?

— Видите ли, панъ Замшицкій женился на дочери варшавскаго купца...

— Панъ Замшицкій! что-жъ это за дворянинъ?—сказалъ стольникъ.—Панъ Замшицкій руками своего дѣда выдѣлывалъ замшу.

— А все-таки дворянинъ.

— Скартабеллять *), мосци-пане! не велика штука! Пускай женится на комъ хочетъ, но Сѣкиринскій... Ты не знаешь, чѣмъ ты обязанъ своему имени, иначе ты не такъ бы думалъ о своей женитьбѣ.

— Но я ничего не думаю!

— Зачѣмъ же спрашиваешь?

— Чтобы узнать, что будетъ съ Замшицкимъ.

— Что будетъ? Будетъ изъ него такой же ничтожный шляхтичъ, какъ и былъ.

Стольникъ произнесъ это съ такою увѣренностью въ справедливости своихъ словъ, что только одинъ Сѣкиринскій могъ его слушать не разсмѣявшись.

Старикъ съ недоувѣрчивостью долго еще всматривался въ Собѣслава и, несмотря на всѣ его увѣренія, въ сердце опекуна запало какое-то подозрѣніе. Это заставило его еще горячѣе прежняго приняться за присканіе для Собѣслава невѣсты. Но, на бѣду стольника, въ одномъ домѣ, куда онъ ввелъ Собѣслава такъ же ловко, какъ и къ воеводѣ, дѣвица оказалась уже помолвленной, а въ другомъ—какъ-то странно поморщились, выслушавъ его предложеніе, какъ будто стольникъ поднесъ къ носу родителей того перцу, который продавалъ Фальковичъ въ Люблинѣ. На эти два сватовства убито было болѣе года—а сколько хлопотъ, розысковъ, поѣздокъ! Панъ Корниковскій выбился изъ силъ и упалъ духомъ. Онъ снова засѣлъ безвыѣздно въ своей деревушкѣ и, казалось, обратилъ все свое вниманіе на подагру, оставя наконецъ Собѣслава въ покоѣ. Но это только такъ казалось, а въ самомъ

*) Skartabell въ Польшѣ значило—новый дворянинъ, не имѣющій права ни получать чиновъ, ни занимать должностей до третьяго колѣна.

дѣлѣ, панъ стольникъ боялся, какъ огня, чтобъ Собѣславъ, увлекшись сердечною склонностью, не унизился до женитьбы на какой-нибудь шляхтянкѣ ничтожнаго происхожденія. Кутая въ фланель свои больныя ноги, старикъ безпрестанно думалъ о томъ, какъ бы женить достойнымъ образомъ представителя знаменитаго имени Сѣкиринскихъ.

Зато Собѣславъ рѣшительно не думалъ о женитьбѣ, при всей пустотѣ какую чувствовалъ онъ въ своемъ домикѣ, при всей скукѣ своей деревенской жизни. Поручивъ смотрѣть за домомъ Доротѣ, а хозяйничать по имѣнію — старостѣ, Сѣкиринскій оставался цѣлые дни и недѣли одинъ въ своей комнатѣ и самъ не понималъ, для чего онъ существуетъ. У него не было даже, такъ называемаго, *резидента*, какого-нибудь бѣднаго шляхтича, служащаго за кусокъ хлѣба шуткомъ, дворецкимъ и чѣмъ угодно. Его холодный и молчаливый характеръ оттолкнулъ отъ него даже смиреннаго Юсафата Угля, который пробовалъ раза два поселиться у него въ домѣ, но не могъ долго выдержать этого вѣчнаго молчанія, этого неподвижнаго лица, этого тяжелаго взгляда, которымъ отличался герой нашъ — и убрался изъ Сѣкиринка. Гости тоже перестали къ нему ѣздить, потому что онъ являлся къ нимъ очень рѣдко, или совсѣмъ забывалъ о нихъ. Сосѣди объѣзжали его домъ и морщились при его имени. Словомъ, пусто и грустно было въ домѣ Сѣкиринскаго; но ему въ этомъ уединеніи казалось довольно сносно съ его думами. Онъ не желалъ ничего больше, не искалъ ничего внѣ своей деревни и, подобно своему отцу, вѣчно ходилъ и думалъ.

Только порывался нѣсколько разъ бѣдняга ѣхать въ Люблинъ, но стольникъ всегда его останавливалъ.

— За какимъ дьяволомъ тебѣ ѣхать? — говорилъ онъ: — за чѣмъ? Выбрось это изъ головы! Лучше забудь, что ты былъ тамъ когда нибудь! Пускай и нога твоя не будетъ больше въ этомъ проклятомъ мѣстѣ!

Сѣкиринскій, скрѣпя сердце, долженъ былъ слушаться поневолѣ совѣта этого герольда фамиліи Сѣкиринскихъ, сидѣлъ въ деревнѣ и быстро старился. Черезъ нѣсколько лѣтъ показалась на его вискахъ преждевременная сѣдина, и стольникъ, замѣтивъ ее, сильно опечалился.

— Женись, мой милый, женись!—сказалъ онъ:—женись на комъ хочешь, лишь бы только на шляхтянкѣ, потому что слишкомъ рано начинаешь ты походить на скворца, и это ни отъ чего другого, какъ отъ скуки. Да и о томъ пора позаботиться, чтобъ съ тобою не кончилась твоя родословная.

— Сами видите, пане стольникъ,—отвѣчалъ Собѣславъ:—что я старался въ этомъ не меньше васъ.

— Но надо за это взяться горячѣе.

— Нѣтъ никого на примѣтъ.

— Да говорю тѣбѣ, лишь бы шляхтянка, лишь бы честной фамиліи шляхтянка, больше ничего отъ тебя не требую.

Собѣславъ опустилъ голову, вздохнулъ и не отвѣчалъ ни слова.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого разговора, пріѣхалъ въ Сѣкиринокъ старый дворецкій пана стольника, Яковъ, на допотопной телѣжкѣ, съ письмомъ отъ своего пана, содержаніе котораго было слово въ слово слѣдующее:

«*Peciculum in toga*, прошу завтра пріѣзжать въ Черскъ, куда и я притащусь. Дѣло очень нужное и славное. Пойдетъ какъ по маслу. *Ad videndam et comparendam, amicus. К. Р. тр.*».

Собѣславъ, не добившись отъ подателя этой грамоты зачѣмъ вызываютъ его въ мѣстечко, поспѣшилъ выѣхать и нашелъ у Ицки Стеклара стольника, который ожидалъ его, глядя въ окно.

— Ну, теперь ужъ ты не уйдешь отъ меня,—сказалъ онъ:—ужъ теперь развѣ не буду живъ, если не женю тебя!

— Такъ вотъ зачѣмъ вы меня вызвали, пане стольникъ!

— А зачѣмъ бы еще? Сюда пріѣхалъ по дѣлу о наслѣдствѣ старый мой школьный однокашникъ и искреннѣйшій другъ. Правда, я не видалъ его лѣтъ двадцать, но мы постоянно *amicissimi*. Панъ Себастьянъ Маржицкій, достойный человекъ, шляхтичъ-кармагинъ. Правда, Маржицкіе не сидѣли въ креслахъ, не были въ санѣ старость, но лѣтъ четырехста фамилія ихъ не прерывалась и доставляла обществу достойныхъ и заслуженныхъ людей. У пана Себастьяна есть сынъ и дочь, лѣтъ не болѣе тридцати, славная, здоровая, приличная дѣвица, и я увѣренъ, что она тебѣ понравится; а онъ ужъ далъ мнѣ слово выдать ее за тебя. Теперь развѣ самъ ты не захочешь жениться. Одѣвайся же почище, вели позвать цырульника, вы-

бѣйся и отправимся къ будущему тестю. Только предупреждаю, что напоить до-пьяна, пока дойдешь отъ порога до скамьи.

— Но я не могу пить!

— Долженъ, мой милый! Меня страшно мучить подагра, но, изъ дружбы къ тебѣ, я пью и буду пить.

— Прекрасно же я себя отрекомендую!

— Ничего, таковъ обычай; на это нѣтъ другого закона. Ты долженъ будешь пить и напиваться до-пьяна! Панъ Маржицкій говоритъ, что шляхтичъ ради кампаніи долженъ пить, хоть бы пришлось тутъ же издохнуть!

Собѣславъ поморщился и покачалъ головой.

— Но зато невѣста наша!

— Любопытно увидѣть. Она здѣсь?

— Да, и сынъ и дочь, всѣ здѣсь, потому что они проживутъ въ Черскѣ, можетъ быть, съ годъ.

— Такъ ѣхать, пане стольникъ?

— Одѣвайся и двинемся! Что тутъ толковать? Пока еще я живъ, надо женить тебя непременно!

Панъ Маржицкій квартировалъ на одномъ изъ постоянныхъ жидовскихъ дворовъ. Издали еще слышенъ былъ крикъ гостей, которыхъ онъ созвалъ къ себѣ со всего Черска на пріятельскій завтракъ. Были тамъ юристы, знакомые юристовъ, родные знакомыхъ, сосѣди родныхъ, и такъ далѣе, потому что пану Маржицкому нуженъ былъ шумъ, говоръ, крикъ, и только это называлъ онъ удовольствіемъ. Нужды ему не было, что гости тѣснились, какъ картофель въ горшкѣ, толкали и давили другъ друга; мало такъ же ему было дѣла и до того, что все угощеніе состояло изъ бигоса, каши, зразъ и рубцовъ, да изъ водки, меда и пива. Главнымъ все покрывающимъ дѣломъ у него была веселость и панибратство. И, въ самомъ дѣлѣ, было довольно здѣсь и того и другого: обнимались между собою знакомые и незнакомые, юристы говорили другъ другу любезности; видѣвшіеся въ первый разъ увѣряли другъ друга въ вѣчной дружбѣ и клялись въ неизмѣнности своихъ чувствъ до гроба, не зная даже, съ кѣмъ говорятъ. Панъ Маржицкій подходилъ то къ одному, то къ другому гостю, предлагалъ тосты и весело хохоталъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Онъ былъ цѣлою головою выше всѣхъ своихъ гостей, и его румяное лицо свѣтило,

какъ восходящій мѣсяцъ, надъ собраніемъ. Въ одной рукѣ у него былъ кубокъ, въ другой бутылка, и въ такомъ торжественномъ видѣ, смѣясь отъ всего сердца, встрѣтилъ онъ пана стольника и Сѣкиринскаго. Онъ тотчасъ выпилъ за ихъ здоровье, и это возбудило такой громъ рукоплесканій, что изъ другой комнаты выглянула женская фигура, догадавшись, видно, о прибытіи новыхъ гостей, и любопытнымъ взглядомъ окинула Собѣслава, которому стольникъ ловко подмигнулъ. То была дородная, румяная, чернобровая, роскошно-сложенная дѣва, но не первой уже молодости, но свѣжая, живая и, какъ это видно было съ перваго взгляда, смѣлая и рѣшительная. Въ глазахъ ея было написано, когда она смотрѣла на Сѣкиринскаго: «еще одинъ трутень! Мало ли ихъ перебывало»? Она даже пожала плечами и въ ту же минуту скрылась.

Попойка была въ самомъ разгарѣ, и новоприбывшіе гости казались странными среди разрумяненныхъ, оживленныхъ виномъ и уже очень чувствительныхъ собесѣдниковъ, начавшихъ раньше завтракъ. Панъ Себастіанъ былъ всюду, умолялъ всѣхъ, чтобъ пили, просилъ на колѣняхъ, едва не цаловалъ рукъ, душилъ въ широкихъ своихъ объятіяхъ, кричалъ, и если не могъ когонибудь принудить допить кубокъ, то провозглашалъ: «Господа! тотъ будетъ дуракъ, кто не выпьетъ!» Гости, не желая быть дураками, пили такъ усердно, что нѣкоторые прислонились уже спинами къ стѣнамъ, другіе искали опоры на скамьяхъ, а иные брали другъ друга подъ руку, въ надеждѣ найти въ товарищѣ больше силы, но находили тоже самое, что и у себя — нетвердость ногъ и круженіе головы.

Тосты возобновлялись подъ тысячью разнообразныхъ предложений. Стольникъ, опасаясь столько же подагры, какъ и нападений пана Себастіана, принималъ отъ него полные бокалы и искусно выливалъ ихъ въ цвѣточный горшокъ, который стоялъ на окнѣ съ какимъ-то запыленнымъ растеніемъ, а Собѣславъ мѣнялся кубками съ опьянѣлыми гостями и всякой разъ добывалъ себѣ порожній, такъ что отдѣлывался отъ хозяина самую малую данью Бахусу. Всѣ уже были, что называется, подъ хмѣлькомъ, но панъ Себастіанъ, несмотря на то, что пилъ всѣхъ больше, только раскраснѣлся и разгулялся, но совсѣмъ не былъ пьянъ: его голова выдерживала не такія попойки!

Онъ былъ очень внимателенъ къ Собѣславу и, взявъ его наконецъ подъ руку, повелъ въ другую комнату, гдѣ сидѣла панна Клара за какою-то работой, съ рѣшительнымъ, но недовольнымъ видомъ. Она еще у порога смѣрила Съкиринскаго съ головы до ногъ; и когда отецъ, представя ей гостя, оставилъ ихъ наединѣ, она указала ему противъ себя стулъ, и ожидала молча, когда онъ начнетъ разговоръ.

Это было трудно для Собѣслава; но едва только онъ открылъ ротъ, какъ она сама схватилась за нить разговора и начала вести бесѣду живо, рѣзко, остро, осмѣивая пьяницъ и стараясь узнать, до какой степени хлебнулъ самъ ея будущій женихъ. Къ счастью, онъ не могъ упрекнуть себя въ излишествѣ, что, повидимому, было очень пріятно паннѣ Кларѣ. Въ продолженіе ихъ разговора, столъникъ посматривалъ нѣсколько разъ въ щель, желая знать, понравились ли другъ другу молодые люди. Между тѣмъ шумъ и говоръ гостей становился тише и глуше, оживляясь только изрѣдка громкимъ возгласомъ или хохотомъ. Наконецъ, вотъ одни уходятъ, другіе умолкаютъ и въ какомъ-то раздумьи покачиваются надъ своими кубками. Панъ Маржицкій еще и тутъ предводительствуетъ, еще заохачиваетъ, еще доливаетъ и кричитъ:

— Изъ дружбы ко мнѣ! выпей, если не хочешь быть дуракомъ!

И гости, едва понимая, гдѣ они и что дѣлаютъ, добиваютъ послѣдній остатокъ силъ, отдѣляющій ихъ отъ безчувствія.

Послѣ довольно продолжительнаго разговора, Съкиринскій вышелъ изъ комнаты Клары и простился съ хозяиномъ. Столъникъ, ожидавшій его нетерпѣливо, воспользовался первой минутой, когда они остались наединѣ, и спросилъ:

— А что панна? *ut sic*?

— Панна? я не успѣлъ еще съ нею познакомиться.

— Однако, ничего?

— Да, мила, умна, только отецъ...

— Что отецъ? что ты смѣешь сказать противъ отца, моего стараго пріятеля? Прекраснѣйшее сердце! ангельская душа! шляхтичъ съ головы до ногъ!

— Но зачѣмъ онъ столько пьетъ и другихъ заставляеть пить?

— Развѣ это худо? ге, мось-пане! у вашей братьи, молодежи, все худо, что вамъ не по вкусу! За кубкомъ сердце видно какъ на ладони, — *in vino veritas*; за кубкомъ люди дружатся и сближаются; пирушка возвышаетъ умъ, воспаляетъ чувства, *exaltat hominem*.

На эту тему панъ Борниковскій продолжалъ ораторствовать, пока они не дошли до квартиры. Тамъ онъ, чувствуя, что голова его что-то кружится, поспѣшилъ раздѣться, легъ въ постель, и проснулся уже на другой день утромъ, когда панъ Себастьянъ постучалъ къ нему въ дверь.

Несмотря на то, что было еще очень рано, подали тотчасъ вина и послали за Собѣславомъ, котораго Маржицкій хотѣлъ обнять и поблагодарить за вчерашнее посѣщеніе.

Легко можно догадаться, что визитъ кончился не скоро; а когда кончился, то столъникъ съ больною ногой легъ снова въ постель, гостя же отвезли на квартиру въ самомъ восторженномъ расположеніи духа. Собѣславъ смотрѣлъ на эти угощенія, пожимая плечами; но что было дѣлать? Панъ Борниковскій не давалъ ему уѣхать изъ Черска и толкалъ его къ паннѣ Кларѣ, обѣщая взять на себя всѣ хлопоты свадьбы, лишь бы только онъ сошелся съ невѣстой.

Двѣ недѣли прошло въ такой несносной жизни. Собѣславъ каждый почти день проводилъ по нѣскольку часовъ съ панною Кларой. Клара по смерти матери, рано оставленная госпожею въ домѣ—потому что отецъ и братъ только и занимались пріятельскими попойками—привыкла управлять сама собою и не имѣла скромности и застѣнчивости, свойственныхъ деревенскимъ дѣвицамъ. Ея рѣчь, движенія, смѣхъ и каждый ея шагъ показывали въ ней характеръ, выработанный, твердый и постоянный. Какъ отличная хозяйка, она была трудолюбива, предусмотрительна; и когда отецъ старался о дружескихъ связяхъ за кубкомъ, а братъ хлопоталъ по дѣламъ, она думала о томъ, чѣмъ накормить и напоить всю ихъ честную компанію. На ея рукахъ были деньги, счета, переписка съ экономомъ и заботы о завтрашнемъ днѣ. Она не отличалась женскими прелестями; ее не занимали наряды и желаніе нравиться; она смотрѣла на жизнь съ ея холодной, печальной, бѣдной, исполненной хлопотъ стороны. Она не могла ничѣмъ понравиться; у ней было

одно достоинство: холодный разсудокъ, опытный и здравый взглядъ на свѣтъ. Разговоръ ея былъ скорѣе мужской, нежели женскій, обращеніе смѣлое; она любила насмѣхаться и шутила безцеремонно, вольно, не заботясь, что скажутъ о томъ другіе. Собѣславъ сперва ей удивлялся, потомъ ему понравилась ея необыкновенная откровенность; наконецъ она его заняла и привлекла къ себѣ непонятною силою. Онъ ходилъ къ ней ежедневно, сидѣлъ у нея долго, сдружился съ нею и напоследокъ, безъ околичностей и предисловій, сказалъ ей однажды вечеромъ:

— Вы должны догадываться, съ какою цѣлью ввелъ меня къ вамъ въ домъ стольникъ. Что вы объ этомъ скажете?

— Ну, а вы?—спросила она,—Мнѣ не приходится первой объявлять свое мнѣніе.

— Я былъ бы счастливъ, если-бъ стольникъ достигъ своей цѣли. Я былъ бы счастливъ!—повторилъ Собѣславъ тихимъ голосомъ, какъ будто эти неумѣстные слова обожгли ему губы, и онъ подавилъ въ груди глубокой вздохъ о Люблинѣ.

— Признаюсь вамъ,—сказала Клара:—что вы мнѣ довольно нравитесь. Вы не любите пьянствовать—это важное достоинство въ моихъ глазахъ, потому что эти пирушки сидятъ у меня какъ кость въ горлѣ. Вы молоды еще, приличны, разсудительны, говорять, богаты—чего-жъ еще могу желать я?

— Очень благодаренъ; итакъ, я могу...

— О, погодите, погодите! Вы не знаете меня и не понимаете, какое бремя берете на свою шею! Во-первыхъ, мы всѣмъ не богаты, даже я думаю, что отецъ скоро принужденъ будетъ поселиться у зятя, слѣдовательно, и наши пирушки перейдутъ къ нему. За мной нѣтъ никакого приданого, кромѣ нѣкоторыхъ вещей моей покойной матери; но это еще ничего; а важнѣе всего, что я не то въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ, можетъ быть, кажусь въ вашихъ глазахъ. Я привыкла быть госпожею въ домѣ.

— И вы ею будете у меня.

— Я тружусь, но по собственной волѣ, ни у кого не спрашиваясь. Я довольно упряма.

— Полно, вы на себя наговариваете!

— Нѣтъ, панъ Сѣкиринскій, это сущая правда! Наконецъ, хоть мнѣ и тяжело въ этомъ признаться, мнѣ ужъ тридцать лѣтъ.

— Я старѣе васъ.

— Такъ, но для дѣвушки тридцать лѣтъ—это ужъ слишкомъ. Согласны-ли вы взять меня со всеѣми этими недостатками?

Собѣславъ разсмѣялся и поклонился, но въ сердцѣ у него что-то болѣзненно зашевелилось.

— И съ отцомъ и съ братомъ?

— Хотя-бы и съ ними.

— Надо объ этомъ хорошенько подумать, потому что они скоро на васъ насядутъ. Мнѣ кажется, что великія надежды на вашъ теперешній процессъ — кончится ничѣмъ. Итакъ, вы видите, что предстоящая вамъ женитьба — не Богъ-знаетъ какое счастье. Ну, теперь скажите мнѣ откровенно, что у васъ есть и въ чемъ состоитъ ваше богатство, о которомъ нашъ столыникъ такъ много разглагольствуетъ?

Сѣкиринскій, платя откровенностью за откровенность, разсказалъ ей обо всѣхъ своихъ обстоятельствахъ, пропустя только жизнь въ Люблинѣ, о которой упомянулъ слегка, въ нѣсколькихъ словахъ.

— Ну, если вы рѣшаетесь на все, — сказала Клара, подавая ему руку: — то поговорите съ моимъ отцомъ, а я охотно соглашаюсь, потому что, правду сказать, это для меня неожиданное счастье!

Столыникъ узналъ отъ Собѣслава объ этомъ объясненіи съ неописанною радостью и, пригладивъ лысину и усы, отправился къ Маржицкому, котораго нашелъ за бумагами съ адвокатомъ Панцеринскимъ. Не выдержавъ старикъ и тотчасъ же отвелъ въ сторону пана Себастіана.

— Я къ тебѣ пришелъ сватомъ по формѣ, — сказалъ онъ.

— Дай же мнѣ обнять тебя! — вскричалъ тотъ? — И запьемъ, запьемъ счастливое событіе! Панъ Панцерскій, здоровье столыника!

— Но выслушай же меня до конца. Я пришелъ просить руки твоей дочери для его мосци пана Сѣкиринскаго.

— А я, если только она согласна, benedico, да и запьемъ дѣло! Ну, въ руки твои, а въ горло мое!

И панъ Себастіанъ захохоталъ отъ всего сердца.

— Такъ даешь согласіе?

— И благословеніе! и благословеніе! Теперь давайте пить, давайте веселиться! Гдѣ же мой милый будущій зять? Сердце

мое тоскуеть по немъ! Дайте мнѣ взглянуть на него, обнять и напоить хоть разъ, ради такого торжественнаго случая!

Послали за Собѣславомъ, позвали панну Клару, и отецъ просилъ ее объявить свое желаніе безъ околичностей.

Панна Клара нимало не смѣшалась и отвѣчала отцу спокойно, выразительно, ясно, что она согласна выйти замужъ за пана Съкиринскаго.

Обрадованный стольникъ поцѣловалъ ея руку и, взявъ кубокъ, воскликнулъ съ жаромъ:

— Здоровье Съкиринскихъ и ихъ потомковъ!

Надо было видѣть старика въ эту минуту. Лицо его сіяло, глаза смѣялись, губы дрожали, и самый кунтушъ ходилъ на немъ, какъ будто раздѣляя его радость.

Собѣславъ подоспѣлъ какъ разъ во-время, чтобъ пасть къ ногамъ невѣсты и отца, и едва только онъ всталъ на ноги, какъ ему уже совали въ руки кубокъ, заклиная его выпить до дна.

На другой день Маржицкіе выѣхали въ свою деревню для приготовленія къ свадьбѣ, которая должна была быть такъ шумна, какъ только могъ желать панъ Себастьянъ. Всѣ сосѣди приглашены были за мѣсяцъ впередъ. Выписано было три бочки вина; домашній медъ развели свѣжимъ и надѣлали изъ него разныхъ сортовъ, разлили въ бутылки пиво и приготовили бездну разной живности и лакомствъ. Панъ Себастьянъ прохаживался отъ погреба къ погребу, отвѣдывалъ вина и медъ съ прибывшими къ нему заблаговременно гостями и мечталъ о цѣлыхъ рядахъ тостовъ, которые намѣренъ былъ завершить, выпивъ до дна огромный кубокъ, называвшійся Салѣгою и давно уже стоявшій безъ употребленія.

Но кто опишетъ, что дѣлалось съ столикомъ? Онъ ожилъ, помолодѣлъ и безпрестанно повторялъ самъ себѣ: «не пресѣчется родъ Съкиринскихъ! не кончится на немъ! женю его! женю! Еще недѣля, и я поведу его къ алтарю, и развѣ только Богъ не допустить а то доживу-таки и до потомка Съкиринскихъ! Чувствую, что во мнѣ есть еще столько силы! Не исчезнетъ родъ Съкиринскихъ, и они за это будутъ обязаны мнѣ! Если-бъ не я, онъ ниюгда бы не женился!»

Стольникъ прежде всѣхъ гостей поспѣшилъ къ Маржицкому

и привезъ съ собой ковры, столовое серебро и разную утварь, зная, что очень обяжетъ этимъ хозяина при такомъ многолюдномъ сѣздѣ.

Собѣславъ пріѣхалъ наканунѣ вѣчанья на пятернѣ вороныхъ лошадей, въ новой коляскѣ, нарочно къ этому времени выписанной изъ Варшавы. За нимъ ѣхала бричка, запряженная пятернею гнѣдыхъ, а за бричкой еще меньшая бричка, запряженная четвернею сѣрыхъ. Возницы громко хлопали бичами, а панъ Себастьянъ ожидалъ милаго зятя съ кубкомъ въ рукѣ, въ сѣняхъ.

Отчего же такъ задумчиво, такъ угрюмо сидитъ въ коляскѣ Собѣславъ? Отчего при видѣ дома невѣсты не прояснилось его лицо, не разгладились морщины на лбу? Напротивъ, глаза его затуманились, что-то сильно сжало ему сердце, какое-то воспоминаніе взволновало его до глубины души; онъ схватился руками за грудь, взглянулъ впередъ, вздохнулъ и забился въ уголъ коляски, какъ-будто скрываясь отъ взоровъ наблюдателей.

Но поздно было вспоминать, тосковать и раскаиваться; надо было веселиться. Въ сѣняхъ раздался крикъ: «вивать!» — и панъ Себастьянъ заключаетъ зятя въ объятія и возноситъ надъ его головой *vitrum gloriosum* съ золотистымъ виномъ. Стольникъ плачетъ отъ радости, а Клара смотритъ въ окно и пожимаетъ плечами. Собѣславъ былъ серьезенъ, молчаливъ, холоденъ, почти мраченъ, и ускользнулъ во время громкихъ привѣтствій къ невѣстѣ.

Вечеромъ началось ужъ свадебное пиршество, потому-что гости, жившіе въ отдаленныхъ деревняхъ, начали сѣзжаться. Кубки стучали до поздней ночи, и панъ Маржицкій ходилъ отъ одного гостя къ другому, обнимая и упрашивая пить.

Утромъ, во время завтрака, гости старались быть воздержными, чтобъ сберечь силы на самое торжественное время. Посѣтителей было множество, потому что панъ Себастьянъ просилъ къ себѣ всѣхъ, начиная отъ богатѣйшихъ помещиковъ до мельчайшей шляхты.

Наконецъ торжественное время наступило. Панна Клара, въ бѣломъ атласномъ платѣ, съ розмариновымъ букетомъ на груди, въ такомъ же вѣнкѣ, подъ которымъ положены были, на счастье, червонецъ и кусочекъ сахара, явилась въ залу

просить у отца благословенія. Панъ Собѣславъ, также въ бѣломъ жупанѣ и въ свѣтлозеленомъ бархатномъ кунтушѣ, съ саблею въ золоченыхъ ножнахъ, съ шапкой подъ мышкою, вошелъ въ сопровожденіи своихъ пріятелей, поклониться въ ноги пану Маржицкому, который ожидалъ этого обряда съ сложенными на груди руками и съ важнымъ видомъ, приличнымъ обстоятельствамъ. Алтарь былъ приготовленъ въ залѣ. Ксендзь стоялъ ужъ въ облаченіи; свѣчи горѣли ярко среди наступавшихъ сумерекъ, и торжественное молчаніе, какъ бываетъ передъ всякимъ великимъ событіемъ, предшествовало порывамъ горя и радости, слезъ и поздравленій.

Вдругъ дверь съ шумомъ отворяется, и рослый мужчина съ небритой бородой, плечистый, грязно одѣтый, быстро входитъ въ комнату и обращаетъ на себя общее вниманіе. Маржицкій подумалъ сперва, что это новый гость, и сдѣлалъ шага два къ нему навстрѣчу; но никто не зналъ гостя. Только столъникъ и Собѣславъ поблѣднѣли.

То былъ Ксаверій Вихула. Онъ ворвался въ спокойное общество съ своими кровавыми глазами, раздутыми ноздрями, съ лицомъ воспламененнымъ злобою, съ растрепанными волосами и съ губами, дрожащими отъ злости и нетерпѣнія. Привидѣ его каждый почувствовалъ, что готовится какая-то катастрофа; всѣ онѣмѣли, отступили отъ него и ожидали грома, который непременно долженъ былъ грянуть.

— Пана Маржицкій! — сказалъ громкимъ голосомъ Вихула: — вы меня не знаете?

— Не имѣю чести... право, но мнѣ очень пріятно...

— Есть тутъ такіе, что меня знаютъ, — продолжалъ Вихула и обвелъ насмѣшливымъ взглядомъ гостей. — Я Ксаверій Вихула, обыватель Черскій, къ вашимъ услугамъ, и пришелъ какъ-разъ во время спросить васъ, неужели вы намѣрены выдать дочь за мѣщанина?

— Что это значитъ? — спросилъ хозяинъ.

— Тотъ, кого вы готовы назвать своимъ зятемъ, — заключилъ Вихула, — носитъ шляхетское имя, родился отъ шляхтича; но лѣтъ десять, да, лѣтъ десять торговалъ и борышничалъ въ Люблинѣ, нажилъ деньги торговлей и потерялъ шляхетство.

Столъникъ, услышавъ эти слова, упалъ въ кресло, а отъ

Собѣслава всё отступили, какъ отъ зачумленнаго. Панна Клара сняла съ пальца обручальное кольцо и съ презрѣніемъ бросила его на полъ. Маржицкій ломалъ въ отчаянны руки. Поднялся страшный шумъ. Собѣславъ, опомнясь отъ смущенія, выхватилъ саблю и бросился на Вихулу; но тотъ, не обнажая своей, посмотрѣлъ только на него и сказалъ:

— Я съ вами могу сражаться только на дубинахъ, потому-что вы не имѣете права носить саблю.

Сказавъ, это, Вихула вырвался изъ окружавшей толпы и исчезъ; за нимъ бросился въ бѣшенствѣ женихъ, и оба въ темнотѣ скрылись изъ вида.

Но кто опишетъ, что происходило со стольникомъ! Едва дыша и не зная, что отвѣчать на вопросы, на упреки, на крикъ Маржицкихъ, онъ велѣлъ закладывать лошадей и со слезами уѣхалъ домой ночью.

Напрасно панъ Себастьянъ, опомнясь, выбѣжалъ за нимъ вслѣдъ и, остановя его на крыльцѣ, просилъ возвратиться. Панъ Корниковскій отводилъ его рукой и стоялъ опершись о столбъ, блѣдный, какъ смерть, повторяя машинально:

— Послѣдній изъ Сѣкиринскихъ! послѣдній изъ Сѣкиринскихъ!

Больше отъ него нельзя было ничего добиться.

Толпа гостей начала украдкой разѣзжаться, чтобъ не печалить отца, потому что напоминала ему своимъ сборищемъ его униженіе; чрезъ часъ, осталось только нѣсколько ближайшихъ друзей, и ужъ кубокъ *consolatio afflictorum* начиналъ побрякивать въ кружкѣ.

Панна Клара горько плакала въ своей комнатѣ. Женщины ее успокоивали; но она, отвергая всякое утѣшеніе, повторяла одно съ дикимъ отчаяніемъ: «мѣщанинъ! купецъ!», и потомъ насмѣшливо хохотала, потомъ опять предавалась слезамъ съ чувствомъ, котораго въ ней никто не подозрѣвалъ.

Что сдѣлалось съ Сѣкиринскимъ—никто не знаетъ. Убить ли онъ Вихулою, за которымъ погнался, бросился ли съ гора въ Вислу, или какая другая судьба его постигла — преданіе молчитъ объ этомъ. Достоверно только то, что этого имени въ Польшѣ не слышно больше.

Панъ Петръ Корниковскій, стольникъ пурскій, жилъ еще

лѣтъ пять, послѣ этого печальнаго событія, но такую жизнью, которая была похожа на полусмерть. Онъ по большей части сидѣлъ молча, съ поникшею головою, въ своемъ креслѣ, а если открывалъ ротъ, то для того только, чтобъ повторять безпрестанно:

— Послѣдній изъ Сѣкиринскихъ! послѣдній изъ Сѣкиринскихъ!

Родословное дерево и нѣсколько старыхъ портретовъ перешли къ нему по наслѣдству изъ Сѣкиринка и висѣли въ его спальнѣ. Онъ смотрѣлъ на нихъ по цѣлымъ часамъ и въ лучшія минуты своей печальной дряхлости рассказывалъ навѣщавшимъ его знакомымъ грустныя событія послѣднихъ двухъ поколѣній, оканчивая всегда свой рассказъ вздохомъ и словами:

— Послѣдній изъ Сѣкиринскихъ! послѣдній!

